

А. С. Пушкин

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

Пушкин — первый русский писатель мирового значения, общепризнанный основатель русской литературы нового времени и русского литературного языка. Пушкин в своем творчестве, являющемся художественной энциклопедией российской действительности, затронул коренные общественные проблемы своего времени: самодержавие и народ, личность и государство, трагическое одиночество передовой дворянской интеллигенции Золотого века.

Ещё при жизни Пушкина сложилась его репутация величайшего национального русского поэта.

Александр Сергеевич Пушкин

Полное собрание стихотворений

Стихотворения 1809–1811 гг

* * *

Dis moi, pourquoi l'Escamoteur
fist-il sifflé par le parterre?
Hélas! c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.

Перевод

Скажите мне, почему «Похититель»
Освистан партером?
Увы, потому что бедный автор
Похитил его у Мольера.

* * *

Je chante ce combat, que Toly remporta,
Où inaint guerrier périt, où Paul se signala,
Nicolas Maturin et la belle Nitouche,

Dont la main fut ie prix d'une horrible
escarmouche.

Перевод

Пою сей бой, в котором Толи одолел,
Где погиб не один воин, где Поль отличился,
Николая Матюрена и прекрасную Нитуш,
Рука которой была трофеем ужасной стычки.

Стихотворения 1813 г

К Наталье

Pourquoi craindrais-j'e de ie dire?
C'est Margot qui fixe mon goût.¹

Так и мне узнать случилось,

1

Почему мне бояться сказать это?
Марго пленила мой вкус.

Что за птица Купидон;
Сердце страстное пленилось;
Признаюсь — и я влюблен!
Пролетело счастья время,
Как, любви не зная бремя,
Я живал да попевал,
Как в театре и на балах,
На гуляньях иль в воксалах
Легким зефиром летал;
Как, смеясь во зло Амуру,
Я писал карикатуру
На любезный женской пол;
Но напрасно я смеялся,
Наконец и сам попался,
Сам, увы! с ума сошел.
Смехи, вольность — всё под лавку
Из Катонов я в отставку,
И теперь я — Селадон!
Миловидной жрицы Тальи
Видел прелести Натальи,
И уж в сердце — Купидон!

Так, Наталья! признаюсь,
Я тобою полонен,
В первый раз еще, стыжуся,
В женски прелести влюблен.
Целый день, как ни верчуся
Лишь тобою занят я;

Ночь придет — и лишь тебя
Вижу я в пустом мечтании,
Вижу, в легком одеянии
Будто милая со мной;
Робко, сладостно дыханье,
Белой груди колебанье,
Снег затмивший белизной,
И полуотверсты очи,
Скромный мрак безмолвной ночи —
Дух в восторг приводят мой!..
Я один в беседке с нею,
Вижу... девственну лилею,
Трепещу, томлюсь, немею...
И проснулся... вижу мрак
Вкруг постели одинокой!
Ипускаю вздох глубокой,
Сон ленивый, томноокой
Отлетает на крылах.
Страсть сильнее становится
И, любовью утомясь,
Я слабею всякой час.
Всё к чему-то ум стремится,
А к чему? — никто из нас
Дамам в слух того не скажет,
А уж так и сяк размажет.
Я — по-свойски объяснюсь.

Все любовники желают

И того, чего не знают;
Это свойство их — дивлюсь!
Завернувшись балахоном,
С хватской шапкой на бекрень
Я желал бы Филимоном
Под вечер, как всюду тень,
Взяв Анюты нежну руку,
Изъяснять любовну муку,
Говорить: она моя!
Я желал бы, чтоб Назорой
Ты старалася меня
Удержатъ умильным взором.
Иль седым Опекуном
Легкой, миленькой Розины,
Старым пасынком судьбины,
В епанче и с париком,
Дерзкой пламенной рукою
Белоснежну, полну грудь...
Я желал бы... да ногою
Моря не перешагнуть.
И, хоть по уши влюбленный,
Но с тобою разлученный,
Всея надежды я лишен.

Но, Наталья! ты не знаешь
Кто твой нежный Селадон,
Ты еще не понимаешь,
Отчего не смеет он

И надеяться? — Наталья!
Выслушай еще меня:

Не владетель я Сералья,
Не арап, не турок я.
За учтивого китайца,
Грубого американца
Почитать меня нельзя,
Не представь и немчурою,
С колпаком на волосах,
С кружкой, пивом налитой,
И с цыгаркою в зубах.
Не представь кавалергарда
В каске, с длинным палашиком.
Не люблю я бранный гром:
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчат моей руки
За Адамовы грехи.

— Кто же ты, болтун влюбленный?
Взглянь на стены возвышенны,
Где безмолвья вечный мрак;
Взглянь на окна загражденны,
На лампы там зажженны...
Знай, Наталья! — я... монах!

Монах

Песнь первая

Святой монах, грехопадение, юбка

Хочу воспеть, как дух нечистый Ада
Оседлан был брадатый стариком;
Как овладел он черным клобуком,
Как он втокнул Монаха грешных в стадо.

Певец любви, фернейской старичок,
К тебе, Вольтер, я ныне обращаюсь.
Куда, скажи, девался твой смычок,
Которым я в Жан д'Арке восхищаюсь,
Где кисть твоя, скажи, ужели ввек
Их ни один не найдет человек?
Вольтер! Султан французского Парнасса,
Я не хочу седлать коня Пегаса,
Я не хочу из муз наделать дам,
Но дай лишь мне твою златую лиру,
Я буду с ней всему известен миру.
Ты хмуришься и говоришь: не дам.
А ты поэт, проклятый Аполлоном,
Испачкавший простенки кабаков,
Под Геликон упавший в грязь с Вильоном
Не можешь ли ты мне помочь, Барков?
С усмешкою даешь ты мне скрипицу,
Сулишь вино и музу пол-девицу:

«Последуй лишь примеру моему». —
Нет, нет, Барков! скрыпицы не возьму,
Я стану петь, что в голову придется,
Пусть как-нибудь стих за стихом польется.

Не в далеке от тех прекрасных мест,
Где дерзостный восстал Иван-великой,
На голове златой носящий крест,
В глуши лесов, в пустыне мрачной, дикой,
Был монастырь; в глухих его стенах
Под старость лет один седой Монах
Святым житьем, молитвами спасался
И дней к концу спокойно приближался.
Наш труженик не слишком был богат,
За пышность он не мог попасться в ад.
Имел кота, имел псалтирь и четки,
Клобук, стихарь да штоф зеленой водки.
Взошедши в дом, где мирно жил Монах,
Не золота увидели б вы горы,
Не мрамор там прельстил бы ваши взоры
Там не висел Рафаель на стенах.
Увидели б вы стул об трех ногах,
Да в уголку скамейка в пол-аршина,
На коей спал и завтракал Монах.
Там пуховик над лавкой не вздувался.
Хотя монах, он в пухе не валялся
Меж двух простынь на мягких тюфяках.
Весь круглый год святой отец постился,

Весь божий день он в кельи провождал,
«Помилуй мя» в полголоса читал,
Ел плотно, спал и всякой час молился.

А ты, Монах, мятежный езуит!
Красней теперь, коль ты краснеть умеешь,
Коль совести хоть капельку имеешь;
Красней и ты, богатый Кармелит,
И ты стыдись, Печерской Лавры житель,
Сердец и душ смиренный повелитель...
Но, лира! стой! — Далеко занесло
Уже меня противу рясок рвенье;
Бесить попов не наше ремесло.

Панкратий жил счастлив в уединеньи,
Надеялся увидеть вскоре рай,
Но ни один земли безвестный край
Защитить нас от дьявола не может. —
И в тех местах, где черный сатана
Под стражею от злости когти гложет,
Узнали вдруг, что разгорожена
К монастырям свободная дорога.
И вдруг толпой все черти поднялись,
По воздуху на крыльях понеслись —
Иной в Париж к плешивым Картезианцам
С копейками, с червонцами полез,
Тот в Ватикан к брюхатым италианцам
Бургонского и макарони нес;

Тот девкою с прелатом повалился,
Тот молодцом к монашенкам пустился.
И слышал я, что будто старый поп,
Одной ногой уже вступивший в гроб,
Двух молодых венчал перед налоем.
Чорт прибежал Амуров с целым роем,
И вдруг дьячок на крылосе всхрапел,
Поп замолчал — на девицу глядел,
А девица на дьякона глядела.
У жениха кровь сильно закипела,
А бес всех их к себе же в ад повел.

Уж темна ночь на небеса всходила,
Уж в городах утих вседневный шум,
Луна в окно Монаха осветила. —
В молитвенник весь устремивший ум,
Панкратий наш Николы пред иконой
Со вздохами земные клал поклоны. —
Пришел Молок (так дьявола зовут),
Панкратия под черной ряской скрылся.
Святой Монах молился уж, молился,
Вздыхал, вздыхал, а дьявол тут как тут.
Бьет час, Молок не хочет отцепиться,
Бьет два, бьет три — нечистый всё сидит.
«Уж будешь мой», — он сам с собой ворчит.
А наш старик уж перестал креститься,
На лавку сел, потер глаза, зевнул,
С молитвою три раза протянулся,

Зевнул опять, и... чуть-чуть не заснул.
Однако ж нет! Панкратий вдруг проснулся,
И снова бес Монаха соблазнять,
Чтоб усыпить, Боброва стал читать.
Монах скучал, Монах тому дивился.
Век не зевал, как богу он молился.
Но — нет уж сил, кресты, псалтирь, слова, —
Всё позабыл; седая голова,
Как яблоко, по груди покатилась,
Со лбу рука в колени опустилась,
Молитвенник упал из рук под стол,
Святой вздремал, всхрапел, как старый вол.

Несчастный! спи... Панкратий вдруг
проснулся

Взад и вперед со страхом оглянулся,
Перекрестясь с постели он встает,
Глядит вокруг — светильня нагорела;
Чуть слабый свет вокруг себя лиет;
Что-то в углу как будто забелело.
Монах идет — что ж? юбку видит он.

«Что вижу я!.. иль это только сон? —
Вскричал Монах, остолбенев, бледнея. —
Как! это что?...» и, продолжать не смея,
Как вкопанный, пред белой юбкой стал,
Молчал, краснел, смущался, трепетал.

Огню любви единственна преграда,
Любовника сладчайшая награда
И прелестей единственный покров,
О юбка! речь к тебе я обращаю,
Строки сии тебе я посвящаю,
Одушеви перо мое, любовь!

Люблю тебя, о юбка дорогая,
Когда меня под вечер ожидая,
Наталья, сняв парчовый сарафан,
Тобою лишь окружит тонкий стан.
Что может быть тогда тебя милее?
И ты, виясь вокруг прекрасных ног,
Струи ручьев прозрачнее, светлее,
Касаешься тех мест, где юный бог
Покоится меж розой и лилеей.

Иль, как Филон, за Хлоей побежав,
Прижать ее в объятия стремится,
Зеленый куст тебя вдруг удержав...
Она должна, стыдясь, остановиться.
Но поздно всё, Филон, ее догнав,
С ней на траву душистую валится
И пламенна, дрожащая рука
Счастливого любовью пастуха
Тебя за край тихонько поднимает.
Она ему взор томный ослабляет,
И он... но нет; не смею продолжать.

Я трепещу, и сердце сильно бьется,
И, может быть, читатели, как знать?
И ваша кровь с стремленьем страсти льется.
Но наш Монах о юбке рассуждал
Не так, как я (я молод, не пострижен
И счастьем нимало не обижен).
Он не был рад, что юбку увидал,
И в тот же час смекнул и догадался,
Что в когти он нечистого попался.

Песнь вторая

Горькие размышления, сон, спасительная мысль

Покаместь ночь еще не удалилась,
Покаместь свет лила еще луна,
То юбка всё еще была видна.
Как скоро ж твердь зарею осветилась,
От взоров вдруг сокрылась она.

А наш Монах, увы, лишен покоя.
Уж он не спит, не гладит он кота,
Не помнит он церковного наоя,
Со всех сторон Панкратию беда.
«Как, — мыслит он, — когда и собачонки
В монастыре и духа нет моем,

Когда здесь ввек не видывал юбчонки,
Кто мог ее принести ко мне же в дом?
Уж мнится мне... прости, владыко, в том!
Уж нет ли здесь... страшусь сказать...

девчонки».

Монах краснел и, делать что, не знал.
Во всех углах, под лавками искал.
Всё тщетно, нет, ни с чем старик остался,
Зато весь день, как бледна тень, таскался,
Не ел, не пил, покойно и не спал.

Проходит день, и вечер наступая
Зажег везде лампы и свечи.
Уже Монах, с главы клобук снимая,
Ложился спать. — Но только что лучи
Луна с небес в окно его пустила
И юбку вдруг на лавке осветила,
Зажмурился встревоженный Монах
И, чтоб не впасть кой-как во искушенье,
Хотел уже на век лишиться зренья,
Лишь только бы на юбку не смотреть.
Старик кряхтя на бок перевернулся
И в простыню тепленько завернулся,
Сомкнул глаза, заснул и стал храпеть.

Тот час Молок вдруг в муху превратился
И полетел жужжать вокруг него.
Летал, летал, по комнате кружился

И на нос сел монаха моего.
Панкратья вновь он соблазнять пустил.
Монах храпит и чудный видит сон.

Казалось ему, что средь долины,
Между цветов, стоит под миртом он,
Вокруг него Сатиров, Фавнов сонм.
Иной смеясь льет в кубок пенны вины;
Зеленый плющ на черных волосах,
И виноград на голове висящий,
И легкий фирз, у ног его лежащий, —
Всё говорит, что вечно-юный Вахх,
Веселья бог, сатира покровитель.
Другой, надув пастушечью свирель,
Поет любовь, и сердца повелитель
Одушевлял его веселу трель.
Под липами там пляшут хороводом
Толпы детей и юношей, и дев.
А далее, ветвей под темным сводом,
В густой тени развесистых дерев,
На ложе роз, любовью распаленны,
Чуть-чуть дыша, весельем истощенны,
Средь радостей и сладостных прохлад,
Обнявшись любовники лежат.

Монах на всё взирал смятенным оком
То на стакан он взоры обращал,
То на девиц глядел чернец со вздохом,

Плешивый лоб с досадою чесал —
Стоя, как пень, и рот в сажень разинув.
И вдруг, в душе почувствовав кураж
И на бекрень взъярясь клобук надвину:.
В зеленый лес, как бело-усый паж,
Как легкий конь, за девкою погнался.

Быстрее орла, быстрее звука лир
Прелестница летела, как зефир.
Но наш Монах Эол пред ней казался,
Без отдыха за новой Дафной гнался.
«Не дам, — ворчал, — я промаха в кольцо».
Но леший вдруг, мелькнув из-за кусточка,
Панкратья хватъ юбочкою в лицо.
И вдруг исчез приятный вид лесочка.
Ручья, холмов и Нимф не видит он,
Уж Фавнов нет, вспорхнул и Купидон,
И нет следа красоточки прелестной.
Монах один в степи глухой, безвестной,
Нахмуря взор; темнеет небосклон,
Вдруг грянул гром, монаха поражает —
Панкратий: «Ах!..», и вдруг проснулся он.

Смущенный взор он всюду обращает:
На небесах, как яхонты, горя,
Уже восток румянила заря.
И юбки нет. — Панкратий встал, умылся
И, помолясь, он плакать сильно стал,

Сел под окно и горько горевал.
«Ах! — думал он, — почто ты прогневился?
Чем виноват, владыко, пред тобой?
Как грешником, вертит нечистый мной.
Хочу не спать, хочу тебе молиться,
Возьму псалтирь, а тут и юбку вдруг.
Хочу вздремать и ночью сном забыться,
Что ж снится мне? смущается мой дух.
Услышь мое усердное моление,
Не дай мне впасть, господь, во искушение!»
Услышал бог молитвы старика,
И ум его в минуту просветился.
Из бедного седого простяка
Панкратий вдруг в Невтоны претворился.
Обдумывал, смотрел, сличал, смекнул
И в радости свой опрокинул стул.
И, как мудрец, кем Сиракуз спасался,
По улице бежавший бос и гол,
Открытием своим он восхищался
И громко всем кричал: «нашел! нашел!»
«Ну! — думал он, — от бесов и юбчонки
Избавлюсь я — и милые девчонки
Уже меня во сне не соблазнят.
Я заживу опять монах монахом,
Я стану ждать последний час со страхом
И с верою, и всё пойдет на лад».
Так мыслил он — и очень ошибался.
Могущий Рок, вселенной Господин,

Панкратием, как куклой, забавлялся.

Монах водой наполнил свой кувшин,
Забормотал над ним слова молитвы
И был готов на грозны ада битвы.
Ждет юбки он — с своей же стороны
Нечистый дух весь день был на работе
И весь в жару, в грязи, в пыли и поте
Предупредить спешил восход луны.

Песнь третья Пойманный бес

Ах, отчего мне дивная природа
Корреджио искусства не дала?
Тогда б в число Парнасского народа
Лихая страсть меня не занесла.
Чернилами я не марал бы пальцы,
Не засорял бумагою чердак,
И за бюро, как девица за пядьцы,
Стихи писать не сел бы я никак.
Я кисти б взял бестрепетной рукою
И, выпив вмиг шампанского стакан,
Трудиться б стал я с жаркой головою,
Как Цициан иль пламенный Албан.
Представил бы все прелести Натальи,

На полну грудь спустил бы прядь волос,
Вкруг головы венки душистых роз,
Вкруг милых ног одежду резвей Тальи,
Стан обхватил Киприды б пояс злат.
И кистью б был счастливей я стократ!

Иль краски б взял Вернета или Пуссина;
Волной реки струилась бы холстина;
На небосклон палящих, южных стран
Возведши ночь с задумчивой луною,
Представил бы над серою скалою,
Вкруг коей бьет шумящий океан,
Высокие, покрыты мохом стены;
И там в волнах, где дышет ветерок,
На серебре, вкруг скал блестящей пены,
Зефирами колеблемый челнок.
Нарисовал бы в нем я Кантемиру,
Ее красы... и рад бы бросить лиру,
От чистых муз навеки удалясь.
Но Рубенсом на свет я не родился,
Не рисовать, я рифмы плетью пустился.
М<артынов> пусть пленяет кистью нас,
А я — я вновь взмогнул на Парнас.
Исполнившись иройскою отвагой,
Опять беру чернильницу с бумагой
И стану вновь я песни продолжать.

Что делает теперь седой Панкратий?

Что делает и враг его косматый?
Уж перестал Феб землю освещать;
Со всех сторон уж тени налетают;
Туман сокрыл вид рощиц и лесов;
Уж кое-где и звездочки блистают...
Уж и луна мелькнула сквозь лесов...
Ни жив, ни мертв сидит под образами
Чернец, молясь обеими руками.
И вдруг бела, как вновь напавший снег
Москвы реки на каменистый брег,
Как легка тень, в глазах явилась юбка...
Монах встает, как пламень покраснев,
Как модинки прелестной ала губка.
Схватил кувшин, весь гневом возгорев,
И всей водой он юбку обливает.
О чудо!.. вмиг сей призрак исчезает —
И вот пред ним с рогами и с хвостом,
Как серый волк, щетиной весь покрытый,
Как добрый конь с подкованным копытом
Предстал Молок, дрожащий под столом,
С главы до ног облитый весь водою,
Закрыв себя подолом епанчи,
Вращал глаза, как фонари в ночи.
«Ура! — вскричал монах с усмешкой злою,
Поймал тебя. подземный чародей.
Ты мой теперь, не вырвешься, злодей.
Все шалости заплатишь головою.
Иди в бутыл, закупорю тебя,

Сейчас ее в колодез брошу я.
Ага, Мамон! дрожишь передо мною».
— «Ты победил, почтенный старичок, —
Так отвечал смирьнехонько Молок. —
Ты победил, но будь великодушен,
В гнилой воде меня не потопи.
Я буду ввек за то тебе послушен,
Спокойно ешь, спокойно ночью спи,
Уж соблазнять тебя никак не стану».
— «Всё так, всё так, да полезай в бутылъ,
Уж от тебя, мой друг, я не отстану,
Ведь плутни все твои я не забыл».
— «Прости меня, доволен будешь мною,
Богатства все польют к тебе рекою.
Как Банкова, я в знать тебя пушу,
Достану дом, куплю тебе кареты,
Придут к тебе в переднюю поэты;
Всех кланяться заставлю богачу,
Сниму клобук, по моде причешу.
Всё променяв на длинный фрак с штанами,
Поскачешь ты гордиться жеребцами,
Народ, смеясь, колесами давить
И аглинской каретой всех дивить.
Поедешь ты потеть у Шиловского,
За ужином дремать у Горчакова,
К Нарышкиной подправлять жилет.
Потом всю знать (с министрами, с князьями
Ведь будешь жить, как с кровными друзьями)

Ты позовешь на пышный свой обед».
— «Не соблазнишь! тебя я не оставлю,
Без дальних слов сей час в бутылку иди».
— «Постой, постой, голубчик, погоди!
Я жен тебе и красных дев доставлю».
— «Проклятый бес! как? и в моих руках
Осмелился ты думать о женах!
Смотри какой! но нет, работник ада,
Ты не прельстишь Панкратья суетой.
За всё, про всё готова уж награда,
Раскаешься, слугитель беса злой!»
— «Минуту дай с тобою изъясниться,
Оставь меня, не будь врагом моим.
Поступок сей наверно наградится,
А я тебя свезу в Иерусалим».
При сих словах Монах себя не вспомнил.
«В Иерусалим!» — дивясь он бесу молвил.
— «В Иерусалим! — да, да, свезу тебя».
— «Ну, естели так, тебя избавлю я».

Старик, старик, не слушай ты Молока,
Оставь его, оставь Иерусалим.
Лишь ищет бес поддеть святого с бока,
Не связывай ты тесной дружбы с ним.
Но ты меня не слушаешь, Панкратий,
Берешь седло, берешь чепрак, узду.
Уж под тобой бодрится чорт проклятый,
Готовится на адскую езду.

Лети, старик, сев на плеча Молока,
Толкай его и в зад и под бока,
Лети, спеши в священный град востока,
Но помни то, что не на лошака
Ты возложил свои почтенны ноги.
Держись, держись всегда прямой дороги,
Ведь в мрачный Ад дорога широка.

Несчастье клита

Внук Тредьяковского Клит гекзаметром
песенки пишет,

Противу ямба, хорей злобой ужасною дышет;
Мера простая сия всё портит, по мнению

Клита,

Смысл затмевает стихов и жар охлаждает
пиита.

Спорить о том я не смею, пусть он безвинных
поносит,

Ямб охладил рифмача, гекзаметры ж он
заморозит.

Стихотворения 1814 г

К другу стихотворцу

Арист! и ты в толпе служителей Парнасса!
Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса;
За лаврами спешишь опасною стезей,
И с строгой критикой вступаешь смело в бой!

Арист, поверь ты мне, оставь перо, чернила,
Забудь ручьи, леса, унылые могилы,
В холодных песенках любовью не пылай;
Чтоб не слететь с горы, скорее вниз ступай!
Довольно без тебя поэтов есть и будет;
Их напечатают — и целый свет забудет.
Быть может и теперь, от шума удалясь
И с глупой музою навек соединясь,
Под сенью мирною Минервиной эгиды²

Сокрыт другой отец второй «Телемахиды».
Страшися участи бессмысленных певцов,
Нас убивающих громадою стихов!
Потомков поздних дань поэтам справедлива;
На Пинде лавры есть, но есть там и крапива.
Страшися бесславия! — Что, естли Аполлон,
Услышав, что и ты полез на Геликон,
С презреньем покачав кудрявой головою,

---

² Т. е. в школе.

Твой гений наградит — спасительной лозою?

Но что? ты хмуришься и отвечать готов;
«Пожалуй, — скажешь мне, — не трать
излишних слов;

Когда на что решусь, уж я не отступаю,
И знай, мой жребий пал, я лиру избираю.
Пусть судит обо мне, как хочет, целый свет,
Сердись, кричи, бранись, — а я таки поэт».

Арист, не тот поэт, кто рифмы плесть умеет
И, перьями скрипя, бумаги не жалеет.
Хорошие стихи не так легко писать,
Как Витгенштейну французов побеждать.
Меж тем как Дмитриев, Державин,

Ломоносов.

Певцы бессмертные, и честь, и слава россов,
Питают здравый ум и вместе учат нас,
Сколь много гибнет книг, на свет едва родясь!
Творенья громкие Рифматова, Графова
С тяжелым Бибрусом гниют у Глазунова;
Никто не вспомнит их, не станет вздор читать,
И Фебова на них проклятия печать.

Положим, что, на Пинд взобравшись
счастливо,

Поэтом можешь ты назваться справедливо:
Все с удовольствием тогда тебя прочтут.

Но мнишь ли, что к тебе рекой уже текут
За то, что ты поэт, несметные богатства,
Что ты уже берешь на откуп государства,
В железных сундуках червонцы хоронишь
И, лежа на боку, покойно ешь и спишь?
Не так, любезный друг, писатели богаты;
Судьбой им не даны ни мраморны палаты,
Ни чистым золотом набиты сундуки:
Лачужка под землей, высоки чердаки —
Вот пышны их дворцы, великолепны залы.
Поэтов — хвалят все, питают — лишь

журналы;

Катится мимо их Фортуны колесо;
Родился наг и наг ступает в гроб Руссо;
Камюэнс с нищими постелю разделяет;
Костров на чердаке безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле предан он:
Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава —

сон.

Ты, кажется, теперь задумался немного.

«Да что же, — говоришь, — судя о всех так
строго,

Перебирая всё, как новый Ювенал,

Ты о Поэзии со мною толковал;

А сам, поссорившись с Парнасскими

сестрами,

Мне проповедовать пришел сюда стихами?

Что сделалось с тобой? В уме ли ты, иль нет?»
Арист, без дальних слов, вот мой тебе ответ:

В деревне, помнится, с мирянами простыми,
Священник пожилой и с кудрями седыми,
В миру с соседями, в чести, довольстве жил
И первым мудрецом у всех издавна слыл.
Однажды, осушив бутылки и стаканы,
Со свадьбы, под вечер, он шел немного

пьяный;

Попалися ему навстречу мужики.

«Послушай, батюшка, — сказали простяки, —

Настави грешных нас — ты пить ведь

запрещаешь

Быть трезвым всякому всегда повелеваешь,

И верим мы тебе; да что ж сегодня сам...»

— «Послушайте, — сказал священник

мужикам, —

Как в церкви вас учу, так вы и поступайте,

Живите хорошо, а мне — не подражайте».

И мне то самое пришлось отвечать;

Я не хочу себя нисколько оправдать:

Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя охоты,

Проводит тихой век без горя, без заботы,

Своими одами журналы не тягчит,

И над экспромптами недели не сидит!

Не любит он гулять по высотам Парнасса,

Не ищет чистых муз, ни пылкого Пегаса,
Его с пером в руке Рамаков не страшит;
Спокоен, весел он, Арист, он — не пиит.

Но полно рассуждать — боюсь тебе наскучить
И сатирическим пером тебя замучить.
Теперь, любезный друг, я дал тебе совет,
Оставишь ли свирель, умолкнешь, или нет?..
Подумай обо всем и выбери любое:
Быть славным — хорошо, спокойным —
лучше вдвое.

Кольна (Подражание Оссèану)

(Фингал послал Тоскара воздвигнуть на берегах источника Кроны памятник победы, одержанной им некогда на сем месте. Между тем как он занимался сим трудом, Карул, соседственный государь, пригласил его к пиршеству; Тоскар влюбился в дочь его Кольну; нечаянный случай открыл взаимные их чувства и ошастливил Тоскара).

Источник быстрый Каломоны,
Бегущий к дальним берегам,
Я зрю, твои взмущенны волны

Потоком мутным по скалам
При блеске звезд ночных сверкают
Сквозь дремлющий, пустынный лес,
Шумят и корни орошают
Сплетенных в темный кров древес.
Твой мшистый берег любила Кольна,
Когда по небу тень лилась:
Ты зрел, когда, в любви невольна,
Здесь другу Кольна отдалась.

В чертогах Сельмы царь могущих
Тоскару юному вещал:
«Гряди во мрак лесов дремучих,
Где Крона катит черный вал,
Шумящей прохлажден осиной. —
Там ряд является могил:
Там с верной, храброю дружиной
Полки врагов я расточил.
И много, много сильных пало:
Их гробы черный вран стережет.
Гряди — и там, где их не стало,
Воздвигни памятник побед!»
Он рек, и в путь безвестный, дальный

Пустился с бардами Тоскар,
Идет во мгле ночи печальной,
В вечерний хлад, в полдневный жар. —
Денница красная выводит

Златое утро в небеса,
И вот уже Тоскар подходит
К местам, где в темные леса
Бежит седой источник Кроны
И кроется в долины сонны. —
Воспели барды гимн святой;
Тоскар обломок гор кремнистых
Усильно мощною рукой
Влечет из бездны волн сребристых,
И с шумом на высокой брег
В густой и дикой злак поверг;
На нем повесил черны латы,
Покрытый кровью предков меч,
И круглый щит, и шлем пернатый,
И обратил он к камню речь:

«Вещай, сын шумного потока,
О храбрых поздним временам!
Да в страшный час, как ночь глубока
В туманах ляжет по лесам,
Пришлец, дорогой утомленный,
Возлеги под надежный кров,
Вспомнит веки отдаленны
В мечтаньи сладком легких снов!
С рассветом алыя денницы,
Лучами солнца пробужден,
Он узрит мрачные гробницы...
И грозным видом поражен,

Вопросит сын иноплеменный:
«Кто памятник воздвиг надменный
И старец, летами согбен,
Речет: «Госкар наш незабвенный,
Герой умчавшихся времен!»»

Небес сокрылся вечный житель,
Заря потухла в небесах;
Луна в воздушную обитель
Спешит на темных облаках;
Уж ночь на холме — берег Кроны
С окрестной рощею заснул:
Владыко сильный Каломоны,
Иноплеменных друг, Карул
Призвал Морвенского героя
В жилище Кольны молодой
Вкусить приятности покоя
И пить из чаши круговой.

.....
.....

Близь пепелища все воссели;
Веселья барды песнь воспели.
И в пене кубок золотой
Крутом несется чередой. —
Печален лишь пришелец Лоры,
Главу ко груди преклонил:

Задумчиво он страстны взоры
На нежну Кольну устремил —
И тяжело грудь его вздыхает,
В очах веселья блеск потух,
То огонь по членам пробегает,
То негою томится дух;
Тоскует, втайне ощущая
Волненье сильное в крови
На юны прелести взирая,
Он полную чашу пьет любви.

Но вот уж дуб престал дымиться,
И тень мрачнее становится,
Чернеет тусклый небосклон,
И царствует в чертогах сон.

.....
.....

Редееет ночь — заря багряна
Лучами солнца возжена;
Пред ней златится твердь румяна:
Тоскар покинул ложе сна;
Быстротекущей Каломоны
Идет по влажным берегам,
Спешит узреть долины Кроны
И внемлет плещущим волнам.
И вдруг из сени темной рощи,

Как в час весенней полунощи
Из облак месяц золотой,
Выходит ратник молодой. —
Меч острый на бедре сияет,
Копье десницу вооружает:
Надвинут на чело шелом,
И гибкой стан покрыт щитом:
Зарю латы серебруются
Сквозь утренний в долине пар.

«О юный ратник! — рек Тоскар, —
С каким врагом тебе сражаться?
Ужель и в сей стране война
Багрит ручьев струисты волны?
Но всё спокойно — тишина
Окрест жилища нежной Кольны».
«Спокойны дебри Каломоны,
Цветет отчизны край золотой;
Но Кольна там не обитает,
И ныне по стезе глухой
Пустыню с милым протекает,
Пленившим сердце красотой».
«Что рек ты мне, младой воитель?
Куда сокрылся похититель?
Подай мне щит твой!» — И Тоскар
Приемлет щит, пылая мщеньем.
Но вдруг исчез геройства жар;
Что зрит он с сладким восхищеньем?

Не в силах в страсти вздохнуть,
Пылая вдруг восторгом новым...
Лилейна обнажилась грудь,
Под грозным дышуща покровом...
— «Ты ль это?...» — возопил герой,
И трепетно рукой дрожащей
С главы снимает шлем блестящий —
И Кольну видит пред собой.

Эвлега

Вдали ты зришь утес уединенный;
Пещеры в нем изрылась глубина:
Темнеет вход, кустами окруженный,
Вблизи шумит и пенится волна.
Вечор, когда туманилась луна,
Здесь милого Эвлега призывала;
Здесь тихий глас горам передавала
Во тьме ночной печальна и одна:

«Приди, Одульф, уж роща побледнела.
На дикой мох Одульфа ждать я села,
Пылает грудь, за вздохом вздох летит.
О! сладко жить, мой друг, душа с душою.
Приди, Одульф, забудусь я с тобою,
И поцелуй любовью возгорит.

Беги, Осгар, твои мне страшны взоры,
Твой грозен вид, и хладны разговоры.
Оставь меня, не мною торжествуй!
Уже другой в ночи со мною дремлет,
Уж на заре другой меня объемлет,
И сладостен его мне поцелуй.

Что ж медлит он свершить мои надежды?
Для милого я сбросила одежды!
Завистливый покров у ног лежит.
Но чу!.. идут — так! это друг мой нежный.
Уж начались восторги страсти нежной,
И поцелуй любовью возгорит».

Идет Одульф; во взорах — упоенье,
В груди — любовь, и прочь бежит печаль;
Но близ его во тьме сверкнула сталь,
И вздрогнул он — родилось подозренье:
«Кто ты? — спросил, — почто ты здесь?
Вещай,
Ответствуй мне, о сын угрюмой ночи!»

«Бессильный враг! Осгара убегай!
В пустынной тьме что ищут робки очи?
Страшись меня, я страстью воспален:
В пещере здесь Эйлега ждет Осгара!»
Булатный меч в минуту обнажен,

Огонь летит струями от удара...

Услышала Эвлега стук мечей
И бросила со страхом хлад пещерный.
«Приди узреть предмет любви твоей! —
Вскричал Одульф подруге нежной, верной. —
Изменница! ты здесь его зовешь?
Во тьме ночной вас услаждает нега,
Но дерзкого в Валгалле ты найдешь!»

Он поднял меч... и с трепетом Эвлега
Падет на дерн, как клоч летучий снега,
Мятелицей отторженный со скал!
Друг на друга соперники стремятся,
Кровавый ток по камням побежал:
В кустарники с отчаяньем катятся.
Последний глас Эвлегу призывал,
И смерти хлад их ярость оковал.

Осгар

По камням гробовым, в туманах полуночи,
Ступая трепетно усталою ногой,
По Лоре путник шел, напрасно томны очи
Ночлега мирного искали в тьме густой.
Пещеры нет пред ним, на берегу угрюмом

Не видит хижины, наследья рыбаля;
В дали дремучий бор качают ветры с шумом,
Луна за тучами, и в море спит заря.

Идет, и на скале, обросшей влажным мохом,
Зрит барда старого — веселье прошлых лет:
Склонясь седым челом над воющим потоком,
В безмолвии времен он созерцал полет.
Зубчатый меч висел на ветви мрачной ивы.
Задумчивый певец взор тихий обратил
На сына чуждых стран, и путник боязливый
Содрогся в ужасе и мимо поспешил.

«Стой, путник! стой! — вещал певец веков
минувших: —

Здесь пали храбрые, почти их бранный прах!
Почти геройства чад, могилы сном
уснувших!»

Пришлец главой поник — и, мнилось, на
холмах

Восставший ряд теней главы окровавленны
С улыбкой гордою на странника склонял.

«Чей гроб я вижу там?» — вещал
иноплеменный

И барду посохом на берег указал.

Колчан и шлем стальной, к утесу
пригвожденный,

Бросали тусклый луч, луною озлатясь.
«Увы! здесь пал Осгар! — рек старец
вдохновенный, —

О! рано юноше настал последний час!
Но он искал его: я зрел, как в ратном строе
Он первые стрелы с весельем ожидал
И рвался из рядов, и пал в кипящем бое:
Покойся, юноша! ты в брани славной пал.

Во цвете нежных лет любил Осгар Мальвину,
Не раз он в радости с подругою встречал
Вечерний свет луны, скользящий на долину,
И тень, упавшую с приморских грозных скал.
Казалось, их сердца друг к другу пламенели;
Одной, одной Осгар Мальвиною дышал;
Но быстро дни любви и счастья пролетели,
И вечер горести для юноши настал.

Однажды, в темну ночь зимы порой унылой,
Осгар стучится в дверь красавицы молодой
И шепчет: «Юный друг! не медли, здесь твой
милый!»

Но тихо в хижине. Вновь робкою рукой
Стучит и слушает: лишь ветры с свистом
веют.

«Ужели спишь теперь, Мальвина? — мгла
вокруг,
Валится снег, власы в тумане леденеют.

Услышь, услышь меня, Мальвина, милый друг!»

Он в третий раз стучит, со скрипом дверь шатнулась.

Он входит с трепетом. Несчастный! что ж узрел?

Темнеет взор его, Мальвина содрогнулась,
Он зрит — в объятиях изменницы Звигнел!

И ярость дикая во взорах закипела:

Немеет и дрожит любовник молодой.

Он грозный меч извлек, и нет уже Звигнела,
И бледный дух его сокрылся в тьме ночной!

Мальвина обняла несчастного колена,

Но взоры отвратив: «Живи! — вещал

Осгар, —

Живи, уж я не твой, презренна мной измена,
Забуду, потушу к неверной страсти жар».

И тихо за порог выходит он в молчанье,

Окован мрачною, безмолвною тоской —

Исчезло сладкое навек очарованье!

Он в мире одинок, уж нет души родной.

Я видел юношу: поникнув головою,

Мальвины имя он в отчаяньи шептал;

Как сумрак, дремлющий над бездною

морскою,

На сердце горестном унынья мрак лежал.
На друга детских лет взглянул он торопливо;
Уже недвижимый взор друзей не узнавал;
От пиршеств удален, в пустыне молчаливой
Он одиночеством печаль свою питал.

И длинный год провел Осгар среди мучений.
Вдруг грянул трубный глас! Оденов сын,
Фингал,
Вел грозных на мечи, в кровавый пыл
сражений.

Осгар слышал весть и бранью воспылал.
Здесь меч его сверкнул, и смерть пред ним
бежала;
Покрытый ранами, здесь пал на груди тел.
Он пал — еще рука меча кругом искала,
И крепкий сон веков на сильного слетел.

Побегли вспять враги — и тихий мир герою!
И тихо все вокруг могильного холма!
Лишь в осень хладную, безмесячной порою,
Когда вершины гор тягчит сырая тьма,
В багровом облаке, одеянна туманом,
Над камнем гробовым уныла тень сидит,
И стрелы дребезжат, стучит броня с колчаном,
И клен, зашевелиясь, таинственно шумит».

Рассудок и любовь

Младой Дафнис, гоняясь за Доридой,
«Постой, — кричал, — прелестная! постой,
Скажи: «Люблю» — и бегать за тобой
Не стану я — клянуся в том Кипридой!»
«Молчи, молчи!» — Рассудок говорил,
А плут Эрот: «Скажи: «ты сердцу мил!»»

«Ты сердцу мил!» — пастушка повторила,
И их сердца огнем любви зажглись,
И пал к ногам красавицы Дафнис,
И страстный взор Дорида потушила.
«Беги, беги!» — Рассудок ей твердил,
А плут Эрот: «Останься!» — говорил.

Осталась — и трепетной рукою
Взял руку ей счастливый пастушок.
«Взгляни, — сказал, — с подругой голубок
Там обнялись под тенью лип густою!»
«Беги! беги!» — Рассудок повторил,
«Учись от них!» — Эрот ей говорил.

И нежная улыбка пробежала
Красавицы на пламенных устах
И вот она с томлением в глазах
К любезному в объятия упала...

«Будь счастлива!» — Эрот ей прошептал.
Рассудок что ж? Рассудок уж молчал.

К сестре

Ты хочешь, друг бесценный,
Чтоб я, поэт молодой,
Беседовал с тобой
И с лирою забвенной,
Мечтами окриленный,
Оставил монастырь
И край уединенный,
Где непрерывный мир
Во мраке опустился
И в пустыни глухой
Безмолвно воцарился
С угрюмой тишиной.³

.....

И быстрою стрелой
На невской брег примчуся
С подругой обнимуся

---

³ После этого стиха нескольких стихов не сохранилось.

Весны моей златой,
И, как певец Людмилы,
Мечты невольник милый,
Взошед под отчий кров,
Несу тебе не злато
(Чернец я небогатый),
В подарок пук стихов.

Тайком взошед в диванну,
Хоть помощью пера,
О, как тебя застану,
Любезная сестра?
Чем сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жан-Жака ли читаешь,
Жанлиса ль пред тобой?
Иль с резвым Гамильтоном
Смеешься всей душой?
Иль с Греем и Томсоном
Ты пренеслась мечтой
В поля, где от дубравы
В дол веет ветерок,
И шепчет лес кудрявый,
И мчится величавый
С вершины гор поток?
Иль моську престарелу,
В подушках поседелу,
Окутав в длинну шаль

И с нежностью лелея,
Ты к ней зовешь Морфея?
Иль смотришь в темну даль
Задумчивой Светланой
Над шумною Невой?
Иль звучным фортепьяно
Под беглою рукой
Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь?
Пиччини и Рамо?

Но вот уж я с тобою,
И в радости немой
Твой друг расцвел душою,
Как ясный вешний день.
Забыты дни разлуки,
Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тень.

Но это лишь мечтанье!
Увы, в монастыре,
При бледном свеч сиянье,
Один пишу к сестре.
Все тихо в мрачной кельи:
Защелка на дверях,
Молчанье, враг веселий,
И скука на часах!
Стул ветхой, необитый,

И шаткая постель,
Сосуд, водой налитый,
Соломенна свирель —
Вот все, что пред собою
Я вижу, пробужден.
Фантазия, тобою
Одной я награжден,
Тобою пренесенный
К волшебной Иппокрене,
И в келье я блажен.

Что было бы со мною,
Богиня, без тебя?
Знакомый с суетою,
Приятной для меня,
Увлечен в даль судьбою,
Я вдруг в глухих стенах,
Как Леты на берегах,
Явился заключенным,
На веки погребенным,
И скрыпнули врата,
Сомкнувшись за мною,
И мира красота
Оделась черной мглою!..
С тех пор гляжу на свет,
Как узник из темницы
На яркий блеск денницы.
Светило ль дня взойдет,

Луч кинув позлащенный
Сквозь узкое окно,
Но сердце помраченно
Не радуется оно.
Иль позднюю порою,
Как луч на небесах,
Покрытых чернотой,
Темнеет в облаках, —
С унынием встречаю
Я сумрачную тень
И с вздохом провожаю
Скрывающийся день!..
Сквозь слез смотрю в решетки,
Перебирая четки.

Но время протечет,
И с каменных ворот
Падут, падут затворы,
И в пышный Петроград
Через долины, горы
Ретивые примчат;
Спеша на новоселье,
Оставлю темну келью,
Поля, сады свои;
Под стол клубук с веригой —
И прилечу расстригой
В объятия твои.

Красавице, которая нюхала табак

Возможно ль? вместо роз, Амуром
насажденных,
[Тюльпанов гордо наклоненных,]
Душистых ландышей, ясинов и лилей,
[Которых ты всегда] любила
[И прежде всякой день] носила
На мраморной груди твоей —
Возможно ль, милая Климена,
Какая странная во вкусе перемена!..
Ты любишь обонять не утренний цветок,
А вредную траву зелену,
Искусством превращенну
В пушистый порошок! —
Пускай уже седой профессор Геттингена,
На старой кафедре согнувшись дугой,
Вперив в латинщину глубокой разум свой,
Раскашлявшись, табак толченый
Пихает в длинный нос иссохшею рукой;
Пускай молодой драгун усатый
[Поутру, сидя у] окна,
С остатком утреннего сна,
Из трубки пенковой дым гонит сероватый;
Пускай красавица шестидесяти лет,
У Граций в отпуску, и у любви в отставке,

Которой держится вся прелесть на подставке,
Которой без морщин на теле места нет,
Злословит, молится, зевает
И с верным табаком печали забывает, —
А ты, прелестная!.. но если уж табак
Так нравится тебе — о пыл воображенья! —
Ах! если, превращенный в прах,
И в табакерке, в заточеньи,
Я в персты нежные твои попасться мог,
Тогда б в сердечном восхищеньи
Рассыпался на грудь под шелковый платок
И даже... может быть... Но что! мечта пустая.
Не будет этого никак.
Судьба завистливая, злая!
Ах, отчего я не табак!..

Эпиграмма

Арист нам обещал трагедию такую,
Что все от жалости в театре заревут,
Что слезы зрителей рекою потекут.
Мы ждали драму золотую.
И что же? дождались — и, нечего сказать,
Достоинству ее нельзя убавить весу,
Ну, право, удалось Аристу написать
Прежалкую пиесу.

Козак

Раз, полунощной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой козак.

Черна шапка на бекрене,
Весь жупан в пыли.
Пистолеты при колене,
Сабля до земли.

Верный конь, узды не чуя,
Шагом выступал;
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вот пред ним две, три избушки, —
Выломан забор;
Здесь — дорога к деревушке,
Там — в дремучий бор.

«Не найду в лесу девицы, —
Думал хват Денис: —
Уж красавицы в светлицы

На ночь убрались».

Шевельнул Донец уздою,
Шпорой прикольнул,
И помчался конь стрелою,
К избам завернул.

В облаках луна сребрила
Дальни небеса;
Под окном сидит уныла
Девушка-краса.

Храбрый видит красну деву;
Сердце бьется в нем,
Конь тихонько к леву, к леву —
Вот уж под окном.

«Ночь становится темнее,
Скрылася луна.
Выдь, коханочка, скорее,
Напои коня».

«Нет! к мужчине молодому
Страшно подойти,
Страшно выдти мне из дому,
Коню дать воды».

«Ах! небось, девушка красна,

С милым подружись!»
«Ночь красавицам опасна».
«Радость! не страшись!

Верь, коханочка, пустое;
Ложный страх отбрось!
Тратишь время золотое;
Милая, небось!

Сядь на борзого, с тобою
В дальний еду край;
Будешь счастлива со мною:
С другом всюду рай».

Что же девица? Склонилась,
Победила страх,
Робко ехать согласилась.
Счастлив стал козак.

Поскакали, полетели.
Дружку друг любил;
Был ей верен две недели,
В третью изменил.

Князю А. М. Горчакову

Пускай, не знаясь с Аполлоном,
Поэт, придворный философ,
Вельможе знатному с поклоном
Подносит оду в двести строф;
Но я, любезный Горчаков,
Не просыпаюсь с петухами,
И напыщенными стихами,
Набором громозвучных слов,
Я петь пустого не умею
Высоко, тонко и хитро,
И в лиру превращать не смею
Мое — гусиное перо!
Нет, нет, любезный князь, не оду
Тебе намерен посвятить;
Что прибыли соваться в воду,
Сначала не спросившись броду,
И в след Державину парить?
Пишу своим я складом ныне
Кой-как стихи на именины.

Что должен я, скажи, в сей час
Желать от чиста сердца другу?
Глубоку ль старость, милый князь,
Детей, любезную супругу,
Или богатства, громких дней,
Крестов, алмазных звезд, честей?
Не пожелать ли, чтобы славой
Ты увлечен был в путь кровавый,

Чтоб в лаврах и венцах сиял,
Чтоб в битвах гром из рук метал,
И чтоб победа за тобою,
Как древле Невскому герою,
Всегда, везде летела вслед?
Не сладострастия поэт
Такою песенкой поздравит,
Он лучше муз навек оставит!
Дай бог любви, чтоб ты свой век
Питомцем нежным Эпикура
Провел меж Вакха и Амура!
А там — когда Стигийской брег
Мелькнет в туманном отдаленьи,
Дай бог, чтоб в страстном упоеньи,
Ты с томной сладостью в очах,
Из рук молодого Купидона
Вступая в мрачный чолн Харона,
Уснул... Ершовой на грудях!

Опытность

Кто с минуту переможет
Хладным разумом любовь,
Бремя тягостных оков
Ей на крылья не возложит.
Пусть не смейся, не резвись,

С строгой мудростью дружись;
Но с рассудком вновь заспоришь,
Хоть не рад, но дверь отворишь,
Как проказливый Эрот
Постучится у ворот.

Испытал я сам собою
Истину сих правых слов.
«Добрый путь! прости, любовь!
За богинею слепою,
Не за Хлоей, полечу,
Счастье, счастье ухвачу!» —
Мнил я в гордости безумной.
Вдруг услышал хохот шумный,
Оглянулся... и Эрот
Постучался у ворот.

Нет! мне, видно, не придется
С богом сим в размолвке жить,
И покамест жизни нить
Старой Паркой там прядется,
Пусть владеет мною он!
Веселиться — мой закон.
Смерть откроет гроб ужасный,
Потемнеют взоры ясны,
И не стукнется Эрот
У могильных уж ворот!

Блаженство

В роще сумрачной, тенистой,
Где, журча в траве душистой,
Светлый бродит ручеек,
Ночью на простой свирели
Пел влюбленный пастушок;
Томный гул унылы трели
Повторял в глуши долин...

Вдруг из глубины пещеры
Чтитель Вакха и Венеры,
Резвых Фавнов господин,
Выбежал Эрмиев сын.
Розами рога обвиты,
Плющ на черных волосах,
Козий мех, вином налитый,
У Сатира на плечах.
Бог лесов, в дугу склонившись
Над искривленной клюкой,
За кустами притаившись,
Слушал песенки ночной,
В лад качая головой. —

«Дни, протекшие в весельи!
(Пел в тоске пастух молодой)

Отчего, явясь мечтой,
Вы, как тень, от глаз исчезли
И покрылись вечной тьмой?

Ах! когда во мраке ночи,
При таинственной луне,
В темну сень прохладной рощи,
Сладко спящей в тишине,
Медленно, рука с рукою,
С нежной Хлоей приходил,
Кто сравниться мог со мною?
Хлое был тогда я мил!

А теперь мне жизнь — могила,
Белый свет душе постыл.
Грустен лес, поток уныл...»
Хлоя — другу изменила!..
Я для милой... уж не мил!..»

Звук исчез свирели тихой;
Смолк певец — и тишина
Воцарилась в роще дикой;
Слышно, плещет лишь волна,
И колышет повиликой
Тихо-веющий зефир...
Древ оставя сень густую
Вдруг является Сатир.
Чашу дружбы круговую

Пенистым сребря вином,
Рек с ослабленным лицом:
«Ты уныл, ты сердцем мрачен;
Посмотри ж, как сок прозрачен
Блещет, осветясь луной!
Выпей чашу — и душой
Будешь так же чист и ясен.
Верь мне: — стон в бедах напрасен.
Лучше, лучше веселись,
В горе с Бахусом дружись!»
И пастух, взяв чашу в руки,
Скоро выпил всё до дна.
О могущество вина!
Вдруг сокрылись скорби, муки,
Мрак душевный вмиг исчез!
Лишь фиял к устам поднес,
Всё мгновенно пременилось,
Вся природа оживилась,
Счастлив юноша в мечтах!
Выпив чашу золотую,
Наливает он другую;
Пьет уж третью... но в глазах
Вид окрестный потемнился —
И несчастный... утомился.
Томну голову склоня,
«Научи, Сатир, меня, —
Говорит пастух со вздохом, —
Как могу бороться с роком?»

Как могу счастливым быть?
Я не в силах вечно пить».
— «Слушай, юноша любезный,
Вот тебе совет полезный:
Миг блаженства *век* лови;
Помни дружбы наставленья:
Без вина здесь нет веселья,
Нет и счастья без любви;
Так поди ж теперь с похмелья
С Купидоном помирись;
Позабудь его обиды
И в объятиях Дориды
Снова счастьем насладись!»

Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало

Вот зеркало мое — прими его, Киприда!
Богиня красоты прекрасна будет ввек,
Седого времени не страшна ей обида:
Она — не смертный человек;
Но я, покорствуя судьбине,
Не в силах зреть себя в прозрачности стекла
Ни той, которой я была,
Ни той, которой ныне.

К наташе

Вянет, вянет лето красно;
Улетают ясны дни;
Стелется туман ненастный
Ночи в дремлющей тени;
Опустели злачны нивы,
Хладен ручеек игривый;
Лес кудрявый поседел;
Свод небесный побледнел.

Свет-Наташа! где ты ныне?
Что никто тебя не зрит?
Иль не хочешь час единый
С другом сердца разделить?
Ни над озером волнистым,
Ни под кровом лип душистым
Ранней — позднею порой
Не встречаюсь я с тобой.

Скоро, скоро холод зимный
Рощу, поле посетит;
Огонек в лачужке дымной
Скоро ярко заблестит;
Не увижу я прелестной
И, как чижик в клетке тесной,
Дома буду горевать

И Наташу вспоминать.

Пирующие студенты

Друзья! досужный час настал;
Все тихо, всё в покое;
Скорее скатерть и бокал!
Сюда вино златое!
Шипи, шампанское, в стекле.
Друзья! почто же с Кантон
Сенека, Тацит на столе,
Фольянт над фолиантом?
Под стол холодных мудрецов,
Мы полем овладеем;
Под стол ученых дураков!
Без них мы пить умеем.

Ужели трезвого найдем
За скатертью студента?
На всякой случай изберем
Скорее президента.
В награду пьяным — он нальет
И пунш, и грог душистый,
А вам, спартанцы, поднесет
Воды в стакане чистой!
Апостол неги и прохлад,

Мой добрый Галич, vale! [Будь здоров!]

Ты Эпикуров младший брат,
Душа твоя в бокале.
Главу венками убери,
Будь нашим президентом,
И станут самые цари
Завидовать студентам.

Дай руку, Дельвиг! что ты спишь?
Проснись, ленивец сонный
Ты не под кафедрой сидишь,
Латынью усыпленный.
Взгляни: здесь круг твоих друзей;
Бутыль вином налита,
За здравье нашей Музы пей,
Парнасской волокита.
Остряк любезный! по рукам!
Полней бокал досуга!
И вылей сотню эпиграмм
На недруга и друга.

А ты, красавец молодой,
Сиятельный повеса!
Ты будешь Вакха жрец лихой,
На прочее — завеса!
Хотя студент, хотя я пьян.
Но скромность почитаю;

Придвинь же пенистый стакан,
На брань благословляю.

Товарищ милый, друг прямой,
Тряхнем рукою руку,
Оставим в чаше круговой
Педантам сродну скуку:
Не в первый раз мы вместе пьем,
Нередко и бранимся,
Но чашу дружества нальем —
И тотчас помиримся. —

А ты, который с детских лет
Одним весельем дышешь,
Забавный, право, ты поэт.
Хоть плохо басни пишешь;
С тобой тасуюсь без чинов,
Люблю тебя душою,
Наполни кружку до краев, —
Рассудок! бог с тобою!

А ты, повеса из повес,
На шалости рожденный,
Удалый хват, головорез,
Приятель задушевный,
Бутылки, рюмки разобьем
За здоровье Платова,
В козачью шапку пунш нальем —

И пить давайте снова!..

Приблизься, милый наш певец,
Любимый Аполлоном!
Воспой властителя сердец
Гитары тихим звоном.
Как сладостно в стесненну грудь
Томленье звуков льется!..
Но мне ли страстью воздохнуть?
Нет! пьяный лишь смеется!

Не лучше ль, Роде записной,
В честь Вакховой станицы
Теперь скрипеть тебе струной
Расстроенной скрипицы?
Запойте хором, господа,
Нет нужды, что нескладно;
Охрипли? — это не беда:
Для пьяных всё ведь ладно!

Но что?... я вижу всё вдвоем:
Двоится штоф с араком;
Вся комната пошла кругом;
Покрылись очи мраком...
Где вы, товарищи? где я?
Скажите, Вакха ради...
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради...

Писатель за свои грехи!
Ты с виду всех трезвее;
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее.

Бова
(Отрывок из поэмы)

Часто, часто я беседовал
С болтуном страны Эллинския
И не смел осиплым голосом
С Шапеленом и с Рифматовым
Воспевать героев севера.
Несравненного Virгилия
Я читал и перечитывал,
Не стараясь подражать ему
В нежных чувствах и гармонии.
Разбирал я немца Клопштока
И не мог понять премудрого!
Не хотел я воспевать, как он;
Я хочу, чтоб меня поняли
Все от мала до великого.
За Мильтоном и Камознсом
Опасался я без крил парить;
Не дерзал в стихах бессмысленных
Херувимов жарить пушками,

С сатаною обитать в раю,
Иль святую богородицу
Вместе славить с Афродитою.
Не бывал я греховодником!
Но вчера, в архивах роаяся,
Отыскал я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Катехизис остроумия,
Словом: Жанну Орлеанскую
Прочитал, — и в восхищении
Про Бову пою царевича.

О Вольтер! о муж единственный!
Ты, которого во Франции
Почитали богом неким,
В Риме дьяволом, антихристом
Обезьяною в Саксонии!
Ты, который на Радищева
Кинул было взор с улыбкою,
Будь теперь моею Музою!
Петь я тоже вознамерился,
Но сравняюсь ли с Радищевым?

Не запомню, сколько лет спустя
После рожества Спасителя,
Царь Дадон со славой царствовал
В Светомире, сильном городе.
Царь Дадон венец со скипетром

Не прямой достал дорогою,
Но убив царя законного,
Бендокира *Слабоумного*.
(Так бывало верноподданны
Величали королей своих,
Если короли беспечные,
Не в постеле и не ночью
Почивали с камергерами).
Царь Дадон не Слабоумного
Был достоин злого прозвища,
Но тирана неусыпного,
Хотя, впрочем, не имел его.
Лень мне все его достоинства
И пороки вам показывать:
Вы слышали, люди добрые,
О царе, что двадцать целых лет
Не снимал с себя оружия,
Не слезал с коня ретивого,
Всюду пролетал с победою,
Мир крещеный потопил в крови,
Не щадил и некрещеного,
И в ничтожество низверженный
Александром, грозным ангелом,
Жизнь проводит в унижении
И, забытый всеми, кличется
Ныне Эльбы императором: —
Вот таков-то был и царь Дадон.

Раз, собрав бородачей совет
(Безбородых не любил Дадон),
На престоле пригорюнившись,
Произнес он им такую речь:
«Вы, которые советами
Облегчили тяжесть скипетра
Усладили участь царскую
(Не горька она была ему),
Мудрые друзья, сподвижники!
К вам прибегнуть я решаюся:
Что мне делать ныне? — Слушайте».

Все привстали, важно хмурясь,
Низко, низко поклонились
И, подправя ус и бороду,
Сели на скамьи дубовые.

«Вам известно, — продолжал Дадон, —
Что искусством и неправдою
Я достиг престола шаткого
Бендокира Слабоумного,
Сочетался с Милитрисою,
Милой женкой Бендокировой,
И в темницу посадил Бову,
Принца крови, сына царского.
Легче, легче захватить было
Слабоумного золотой венец,
Чем, надев венец на голову,

За собою удержать его.
Вот уже народ бессмысленный,
Ходя в праздники по улицам,
Меж собой не раз говаривал:
Дай бог помочь королевичу.

Ведь Бова уже не маленькой,
Не в отца своей головушкой,
Нужды нет, что за решеткою,
Он опасен моим замыслам.
Что мне делать с ним? скажите мне,

Не оставить ли в тюрьме его?»

Всё собранье призадумалось,
Все в молчаньи потупили взор.
То-то, право, золотой совет!
Не болтали здесь, а думали:
Арзамор, муж старый, опытный,
Рот открыл было (советовать
Знать хотелось поседелому),
Громко крякнул, но одумался
И в молчаньи закусил язык.
Ко лбу перст приставя тщательно,
Лекарь славный, Эскулапа внук,
Эзельдорф, обритый шваб, зевал,
Табакеркою поскрыпывал,
Но молчал, — своей премудрости

Он пред всеми не показывал.
Вихромах, Полкан с Дубынею,
Стража трона, славны рыцари,
Все сидели, будто вкопаны.
Громобурь, известный силою,
Но умом непроницательный,
Думал, думал и нечаянно
Задремал... и захрапел в углу.
Что примера лучше действует?
Что людьми сильней ворочает?
Вот зевнули под перчаткою
Храбрый Мирозор с Ивашкою,
И Полкан, и Арзамор седой...
И ко груди преклонились
Тихо головами буйными...
Глядь, с Дадонем задремал совет...
Захрапели много-мыслящи!

Долго спать было советникам,
Если б немцу не пришлось из рук
Табакерку на пол выронить.
Табакерка покатила
И о шпору вдруг ударила
Громобуря, крепко спавшего,
Загремела, раздвоилась,
Отлетела в разны стороны...
Храбрый воин пробуждается,
Озирает всё собрание...

Между тем табак рассыпался,
К носу рыцаря подьёмлется,
И чихнул герой с досадою,
Так что своды потрясаются,
Окны все дрожат и сыплются,
И на петлях двери хлопают...
Пробуждается собрание!

«Что тут думать, — закричал герой: —
Царь! Бова тебе не надобен,
Ну, и к чорту королевича!
Решено: ему в живых не быть.
После, братцы, вы рассудите,
Как с ним надобно разделаться».
Тем и кончил: храбры воины
Речи любят лаконически.
«Ладно! мы тебя послушаем, —
Царь промолвил, потянувшись, —
Завтра, други, мы увидимся.
А теперь ступайте все домой».

Оплошал Дадон отсрочкою.
Не твердил он верно в азбуке:

*Не откладывай до завтраго,
Что сегодня можешь выполнить.*
Разошлись все придворные.
Ночь меж тем уже сгущалася,

Царь Дадон в постелю царскую
Вместе с милой лег супругою,
С несравненной Милитрисою,
Но спиной оборотился к ней:
В эту ночь его величеству
Не играть, а спать хотелось.

Милитрисина служаночка,
Зоя, молодая девица,
Ангел станом, взором, личиком,
Белой ручкой, нежной ножкою,
С госпожи сняв платье шелково,
Юбку, чепчик, ленты, кружева,
Всё под ключ в комодке спрятала
И пошла тихонько в девичью.
Там она сама разделася,
Подняла с трудом окошечко
И легла в постель пуховую,
Ожидая друга милого,
Светозара, пажа царского:
К темной ночке обещался он
Из окна прыгнуть к ней в комнату.
Ждет, пождет девица красная:
Нет, как нет всё друга милого.
Чу! бьет полночь — что же Зоинька?
Видит — входят к ней в окошечко...
Кто же? друг ли сердца нежного?
Нет! совсем не то, читатели!

Видит тень иль призрак старого
Венценосца, с длинной шапкою,
В балахоне вместо мантии,
Опоясанный мочалкою,
Вид невинный, взор навывкате
Рот разинут, зубы скалятся,
Уши длинные, ослиные
Над плечами громко хлопают;
Зоя видит и со трепетом
Узнает она, читатели,
Бендокира Слабоумного.

Трепетна, смятенья полная.
Стала на колени Зоинька,
Съединила ручку с ручкою,
Потупила очи ясные
Прочитала скорым шопотом
То, что ввек не мог я выучить:
Отче наш и *Богородице*,
И тихохонько промолвила:
«Что я вижу? Боже! Господи...
О Никола! Савва мученик!
Осените беззащитную.
Ты ли это, царь наш батюшка?
Отчего, скажи, оставил ты
Ныне царствие небесное?»

Глупым смехом осветившись,

Тень рекла прекрасной Зоиньке:
«Зоя, Зоя, не страшись, мой свет,
Не пугать тебя мне хочется,
Не на то сюда явился я
С того света привидением. —
Весело пугать живых людей,
Но могу ли веселиться я,
Естьли сына Бендокирова,
Милого Бову царевича,
На костре изжарят завтра же?»

Бедный царь заплакал жалобно.
Больно стало доброй девушке.
«Чем могу, скажи, помочь тебе.
Я во всем тебе покорствую».
— «Вот что хочется мне, Зоинька!
Из темницы сына выручи,
И сама в жилище мрачное
Сядь на место королевича,
Пострадай ты за невинного.
Поклонюсь тебе низехонько
И скажу: спасибо, Зоинька!»

Зоинька тут призадумалась:
За *спасибо* в темну яму сесть!
Это жестко ей казалось.
Но, имея чувства нежные,
Зоя втайне согласилась

На такое предложение.

Так, ты прав, оракул Франции,
Говоря, что жены, слабые
Против стрел Эрота юного,
Все имеют душу добрую,
Сердце нежно непритворное.
«Но скажи, о царь возлюбленный!
Зоя молвила покойнику: —
Как могу (ну, посуди ты сам)
Пронестись в темницу мрачную,
Где горюет твой любезный сын?
Пятьдесят отборных воинов
Днем и ночью стерегут его.
Мне ли, слабой робкой женщине,
Обмануть их очи зоркие?»
«Будь покойна, случай найдется,
Поклянись лишь только милая,
Не отвергнуть сего случая,
Если сам тебе представится».
«Я клянусь!» — сказала девица.
Вмиг исчезло привидение,
Из окошка быстро вылетев
Воздыхая тихо Зоинька
Опустила тут окошечко
И в постеле успокоившись
Скоро, скоро сном забылася.

К Батюшкову

Философ резвый и пиит,
Парнасский счастливый ленивец,
Харит изнеженный любимец,
Наперсник милых Аонид,
Почто на арфе златострунной
Умолкнул, радости певец?
Ужель и ты, мечтатель юный,
Расстался с Фебом наконец?

Уже с венком из роз душистых.
Меж кудрей вьющихся, златых,
Под тенью тополов ветвистых,
В кругу красавиц молодых,
Заздравным не стучишь фиалом,
Любовь и Вакха не поешь,
Довольный счастливый началом.
Цветов Парнасских вновь не рвешь;
Не слышен наш Парни Российской!..
Пой, юноша — Певец Тиисской
В тебя влиял свой нежный дух.
С тобою твой прелестный друг,
Лилета, красных дней отрада:
Певцу любви любовь награда.
Настрой же лиру. По струнам

Летай игривыми перстами,
Как вешний Зефир по цветам,
И сладострастными стихами,
И тихим шепотом любви
Лилету в свой шалаш зови.
И звезд ночных при бледном свете,
Плывущих в дальней вышине,
В уединенном кабинете,
Волшебной внемя тишине,
Слезами счастья грудь прекрасной,
Счастливец милый, орошай;
Но, упоен любовью страстной,
И нежных муз не забывай;
Любви нет боле счастья в мире:
Люби — и пой ее на лире.

Когда ж к тебе в досужный час
Друзья, знакомые сберутся,
И вины пенные польются,
От плена с треском свободясь:
Описывай в стихах игривых
Веселье, шум гостей болтливых
Вокруг накрытого стола,
Стакан, кипящий пеной белой,
И стук блестящего стекла.
И гости дружно стих веселый,
Бокал в бокал ударя в лад,
Нестройным хором повторят.

Поэт! В твоей предметы воле,
Во звучны струны смело грянь,
С Жуковским пой кроваву брань
И грозну смерть на ратном поле.
И ты в строях ее встречал,
И ты, постигнутый судьбою,
Как Росс, питомцем славы пал!
Ты пал, и хладною косою
Едва скошенный не увял!..⁴

Иль, вдохновенный Ювеналом.
Вооружись сатиры жалом,
Подчас прими ее свисток,
Рази, осмеивай порок,
Шутя, показывай смешное
И, естли можно, нас исправь.
Но Тредьяковского оставь
В столь часто рушимом покое.
Увы! довольно без него
Найдем бессмысленных поэтов,
Довольно в мире есть предметов,
Пера достойных твоего!

Но что!.. цевницею моею,

---

⁴ Кому неизвестны Воспоминания на 1807 год?

Безвестный в мире сем поэт,
Я песни продолжать не смею.
Прости — но помни мой совет:
Доколе музами любимый,
Ты Пиэрид горишь огнем,
Доколь, сражен стрелой незримой,
В подземный ты не снидешь дом,
Мирские забывай печали,
Играй: тебя младой Назон,
Эрот и Грации венчали.
А лиру строил Аполлон.

Эпиграмма (Подражание французскому)

Супругою твоей я так пленился,
Что естли б три в удел достались мне,
Подобные во всем твоей жене,
То даром двух я б отдал сатане
Чтоб третью лишь принять он согласился.

К Н. Г. Ломоносову

И ты, любезный друг, оставил

Надежду пристань тишины,
Челнок свой весело направил
По влаге бурной глубины:
Судьба на руль уже склонилась,
Спокойно светят небеса,
Ладья крылатая пустилась —
Расправит *счастье* паруса.
Дай бог, чтоб грозной непогоды
Вблизи ты ужас не видал,
Чтоб бурный вихорь не вздувал
Пред челноком шумящи воды!
Дай бог, под вечер к берегам
Тебе пристать благополучно
И отдохнуть спокойно там
С любовью, дружбой неразлучно!
Нет! ты не можешь их забыть!
Но что! Не скоро, может быть,
Увижусь я, мой друг, с тобою
Укромной хаты в тишине;
За чашей пунша круговую
Подчас вспомнишь обо мне:
Когда ж пойду на новоселье
(Заснуть ведь общий всем удел),
Скажи: «дай бог ему веселье!
Он в жизни хоть любить умел».

На Рыбушкина

Бывало, прежних лет герой,
Окончив славну брань с противной стороной,
Повесит меч войны средь отческа кущи:
А трагик наш Бурун, скончав чернильный бой,
Повесил уши.

Воспоминания в Царском селе

Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почили дол и рощи,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень
дубравы,
Чуть дышет ветерок, уснувший на листьях,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в серебристых облаках.

Плывет — и бледными лучами
Предметы осветила вкруг.
Алеи древних лип открылись пред очами,
Проглянули и холм и луг;
Здесь, вижу, с тополom сплелась молодая ива
И отразилась в кристале зыбких вод;

Царицей средь полей лился горделива
В роскошной красоте цветет.

С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плескаются наяды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам.
Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы Росской храм?

Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный Царско-сельской сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?
Увы! промчались те времена златые,
Когда под скипетром великия жены
Венчалась славою счастливая Россия,
Цветя под кровом тишины!

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет;
Возрев вокруг себя, со вздохом Росс вещает:
«Исчезло всё, Великой нет!»
И в думу углублен, над злачными берегами
Сидит в безмолвии, склоняя ветрам слух.
Протекшие лета мелькают пред очами,

И в тихом восхищеньи дух.

Он видит, окружен волнами,
Над твердой, мшистою скалой
Вознесся памятник. Ширясь крылами.
Над ним сидит орел молодой.
И цепи тяжкие, и стрелы громовые
Вкруг грозного столпа трикраты обвились;
Кругом подножия, шумя, валы седые
В блестящей пене улеглись.

В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой.
О, сколь он для тебя, Кагульской брег,
поносен!

И славен родине драгой!
Бессмертны вы вовек, о Росски исполины,
В боях воспитанны средь бранных непогод!
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.

О громкий век военных споров,
Свидетель славы Россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные Славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страшась дивился мир;
Державин и Петров Героям песнь бряцали

Струнами громозвучных лир.

И ты промчался, незабвенный!

И вскоре новый век узрел

И брани новые, и ужасы военные;

Страдать — есть смертного удел.

Блеснул кровавый меч в неукротимой длани

Коварством, дерзостью венчанного царя;

Восстал вселенной бич — и вскоре лютой

брани

Зарделась грозная заря.

И быстрым понеслись потоком

Враги на русские поля.

Пред ними мрачна степь лежит во сне

глубоком,

Дымится кровию земля;

И селы мирные, и грады в мгле пылают,

И небо заревом оделось вокруг,

Леса дремучие бегущих укрывают,

И праздный в поле ржавит плуг.

Идут — их силе нет препоны,

Всё рушат, всё свергают в прах,

И тени бледные погибших чад Беллоны,

В воздушных съединясь полках,

В могилу мрачную нисходят непрестанно,

Иль бродят по лесам в безмолвии ночи...

Но клики раздались!.. идут в дали
туманной! —

Звучат кольчуги и мечи!..

Страшись, о рать иноплеменных!

России двинулись сыны;

Восстал и стар и млад: летят на дерзновенных

Сердца их мщеньем возжены.

Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!

Ты в каждом ратнике узришь Богатыря.

Их цель иль победить, иль пасть в пылу

сраженья

За веру, за царя.

Ретивы кони бранью пышут,

Усеян ратниками дол,

За строем строй течет, все мезтью, славой

дышут,

Восторг во грудь их перешел.

Летят на грозный пир; мечам добычи ищут,

И се — пылает брань; на холмах гром гремит,

В сгущенном воздухе с мечами стрелы

свищут,

И брызжет кровь на щит.

Сразились. — Русской — победитель!

И вспять бежит надменный Галл;

Но сильного в боях небесный Вседержитель

Лучем последним увенчал,
Не здесь его сразил воитель поседелый;
О Бородинские кровавые поля!
Не вы неистовству и гордости пределы!
Увы! на башнях Галл кремля!..

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горестей и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам и жизни;
Вотще лишь гневом дух пылал!..

Где ты, краса Москвы стоголавой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни;
Москва, сколь Русскому твой зрак унылый
страшен!
Исчезли здания вельможей и царей,
Всё пламень истребил. Венцы затмились
башен,
Чертоги пали богачей.

И там, где роскошь обитала
В сенистых рощах и садах,

Где мирт благоухал, и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах.
В часы безмолвные прекрасной, летней ночи
Веселье шумное туда не полетит,
Не блещут уж в огнях берега и светлы рощи:
Всё мертво, всё молчит.

Утешься, мать градов России,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготела днесь на их надменны выи
Десница мстящая Творца.
Взгляни: они бегут, озреться не дерзают,
Их кровь не престаёт в снегах реками течь;
Бегут — и в тьме ночной их глад и смерть
сретают,

А с тыла гонит Россов меч.

О вы, которых трепетали
Европы сильны племена,
О Галлы хищные! и вы в могилы пали. —
О страх! о грозны времена!
Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны,
Презревший правды глас и веру, и закон,

В гордыне возмечтав мечем низвергнуть
троны?
Исчез, как утром страшный сон!

В Париже Росс! — где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.
Но что я зрю? Герой с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.
Еще военный гром грохочет в отдаленьи,
Москва в унынии, как степь в полнощной

мгле,

А он — несет врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле.

Достойный внук Екатерины!
Почто небесных Аонид,
Как наших дней певец, славянской Бард

дружины,

Мой дух восторгом не горит?
О, естли б Аполлон пиитов дар чудесный
Влиял мне ныне в грудь! Тобою восхищен,
На лире б возгремел гармонией небесной
И воссиял во тьме времен.

О Скальд России вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй,
В кругу друзей твоих, с душой

воспламененной,

Взгреми на арфе золотой!

Да снова стройный глас Герою в честь
прольется,

И струны трепетны посыплют огонь в сердца,
И Ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного Певца.

Романс

Под вечер, осенью ненастной,
В далеких дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.
Всё было тихо — лес и горы,
Всё спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила с ужасом кругом.

И на невинное творенье,
Вздыхнув, остановила их...
«Ты спишь, дитя, мое мученье,
Не знаешь горестей моих —
Откроешь очи и тоскуя
Ко груди не прильнешь моей,
Не встретишь завтра поцелуя
Несчастной матери твоей.

Ее манить напрасно будешь!..
Стыд вечный мне вина моя —

Меня навеки ты забудешь;
Тебя не позабуду я;
Дадут покров тебе чужие
И скажут: «Ты для нас чужой!» —
Ты спросишь: «Где ж мои родные?»
И не найдешь семьи родной.

Мой ангел будет грустной думой
Томиться меж других детей! —
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей;
Повсюду странник одинокой,
Предел неправедный кляня,
Услышит он упрек жестокой...
Прости, прости тогда меня...

Быть может, сирота унылый.
Узнаешь, обоймешь отца.
Увы! где он, предатель милый,
Мой незабвенный до конца? —
Утешь тогда страдальца муки,
Скажи «ее на свете нет —
Лаура не снесла разлуки
И бросила пустынный свет». —

Но что сказала я?... быть может,
Виновную ты встретишь мать —
Твой скорбный взор меня встревожит!

Возможно ль сына не узнать?
Ах, если б рок неумолимый
Моею тронулся мольбой...
Но, может быть, пройдешь ты мимо —
Навек рассталась я с тобой.

Ты спишь — позволь себя, несчастный,
К груди прижать в последний раз.
Закон несправедливый, ужасный
К страданью присуждает нас.
Пока лета не отогнали
Беспечной радости твоей —
Спи, милый! горькие печали
Не тронут детства тихих дней!»

Но вдруг за рощей осветила
Вблизи ей хижину луна...
С волненьем сына ухватила
И к ней приблизилась она;
Склонилась, тихо положила
Младенца на порог чужой,
Со страхом очи отвратила
И скрылась в темноте ночной.

Леда
(Кантата)

Средь темной рощицы, под тенью лип
душистых,
В высоком тростнике, где частым жемчугом
Вздучалась пена вод серебристых,
Коллеблясь тихим ветерком,
Покров красавицы стыдливой,
Небрежно кинутый, у берега лежал,
И прелести ее поток волной игривой
С весельем орошал.

Житель рощи торопливый,
Будь же скромн, о ручей!
Тише, струйки говорливы!
Изменить страшитесь ей!

Леда робостью трепещет,
Тихо дышет снежна грудь,
Ни волна вокруг не плещет,
Ни зефир не смеет дуть.

В роще шорох утихает,
Всё в прелестной тишине:
Нимфа далее ступает,
Робкой вверившись волне.

Но что-то меж кустов прибрежных
восшумело,

И чувство робости прекрасной овладело;
Невольно вздрогнула, не в силах воздохнуть.
И вот пернатых царь из-под склоненной ивы,
Расправя крылья горделивы,
К красавице плывет — веселья полна грудь;
С шумящей пеною отважно волны гонит,
Крылами воздух бьет,
То в кольца шею вьет,
То гордую главу смирясь пред Ледой клонит.
Леда смеется.
Вдруг раздается
Радости клик.
Вид сладострастный!
К Леде прекрасной
Лебедь приник.
Слышно стенанье,
Снова молчанье.
Нимфа лесов
С негою сладкой
Видит украдкой
Тайну богов.

Опомнясь наконец красавица младая
Открыла тихий взор, в томленьях воздыхая,
И что ж увидела? — На ложе из цветог.
Она покоится в объятиях Зевеса;
Меж ними юная любовь, —
И пала тайнства прелестного завеса.

Сим примером научитесь,
Розы, девы красоты;
Летним вечером страшитесь
В темной рощице воды:

В темной рощице таится
Часто пламенный Эрот;
С холодной струйкою катится,
Стрелы прячет в пене вод.

Сим примером научитесь,
Розы, девы красоты;
Летним вечером страшитесь
В темной рощице воды.

Stances

Avez-vous vu la tendre rose,
L'aimable fille d'un beau jour,

Quand au printemps à peine éclore,
Elle est l'image de l'amour?

Telle à nos yeux, plus belle encore.

Parut Eudoxie aujourd'hui;
Plus d'un printemps la vit éclore,
Charmante et jeune comme lui.
Mais, hélas! les vents, les tempêtes,
Ces fougueux enfants de l'Hiver.
Bientôt vont gronder sur nos têtes,
Enchainer l'eau, la terre et l'air.
Et plus de fleurs, et plus de rose!
L'aimable fille des amours
Tombe fanée, à peine éclose;
Il a fui, le temps des beaux jours!
Eudoxie! airnez, le temps presse;
Profitez de vos jours heureux!
Est-ce dans la froide vieillesse
Que de l'amour on sent les feux?

Перевод

Видали ль вы нежную розу,
Любезную дочь ясного дня,
Когда весной, едва расцветши,
Она являет образ любви?

Такою глазам нашим, еще прекраснее,
Ныне явилась Евдокия:
Не раз видела весна, как она расцветала,
Прелестная и юная, подобная ей самой.

Но увы! ветры и бури,
Эти лютые дети Зимы,
Скоро зареву над нашими головами,
Окуют воду, землю и воздух.

И нет более цветов, и нет более розы!
Любезная дочь любви,
Завянув, падает, едва расцветшая:
Миновала пора ясных дней!

Евдокия! любите! Время не терпит:
Пользуйтесь вашими счастливыми днями?
В хладной ли старости
Дано нам ведать пыл любви?

Mon portrait

Vous' me demandez mon portrait,
Mais peint d'après nature;
Mon cher, il sera bientôt fait,
Quoique en miniature.
Je suis un jeune polisson,
Encore dans les classes;

Point sot, je le dis sans façon

Et sans fades grimaces.
Onc il ne fut de babillard,
Ni docteur en Sorbonne —
Plus ennuyeux et plus braillard.
Que moi-même en personne.

Ma taille à celles des plus longs

Ne peut être égalée;
J'ai le teint frais, les chevenz blonds
Et le tête bouclée.

J'aime et le monde et son fracas,
Je hais la solitude;
J'abhorre et noises, et débats,
Et tant soit peu l'étude.

Spectacles, bals me plaisent fort
Et d'après ma pensée,
Je dirais ce que j'aime encor...
Si n'étais au Lycée.

Après
celà, mon cher ami,
L'on peut me reconnaotre:

Oui! tel que le bon dieu me fit,

Je veux toujours paraotre.

Vrai démon pour l'espèglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie.

Ma foi, voilà Pouchkine.

Перевод Мой портрет

Вы просите у меня мой портрет,
Но написанный с натуры;
Мой милый, он быстро будет готов,
Хотя и в миниатюре.

Я молодой повеса,
Еще на школьной скамье:
Не глуп, говорю, не стеснясь,
И без жеманного кривлянья.

Никогда не было болтуна,
Ни доктора Сорбонны —
Надоедливее и крикливее,
Чем собственная моя особа.

Мой рост с ростом самых долговязых
Не может равняться;
У меня свежий цвет лица, русые волосы

И кудрявая голова.

Я люблю свет и его шум,
Уединение я ненавижу;
Мне претят ссоры и препирательства,
А отчасти и учение.

Спектакли, балы мне очень нравятся,
И если быть откровенным.
Я сказал бы, что я еще люблю...
Если бы не был в Лицее.

По всему этому, мой милый друг,
Меня можно узнать.
Да, таким как бог меня создал,
Я и хочу всегда казаться.

Сущий бес в проказах,
Сущая обезьяна лицом.
Много, слишком много ветренности —
Да, таков Пушкин.

Стихотворения 1815 г

**Городок
(К * * *)**

Прости мне, милый друг,
Двухлетнее молчанье:
Писать тебе посланье
Мне было недосуг.
На тройке пренесенный
Из родины смиренной
В великой град Петра,
От утра до утра
Два года всё кружился
Без дела в хлопотах,
Зевая, веселился
В театре, на пирах,
Не ведал я покоя,
Увы! ни на часок,
Как будто у наоя
В великой четверток
Измученный дьячок.
Но слава, слава богу!
На ровную дорогу
Я выехал теперь;
Уж вытолкал за дверь
Заботы и печали,
Которые играли,
Стыжусь, столь долго мной;
И в тишине святой
Философом ленивым,

От шума вдалеке,
Живу я в городке,
Безвестностью счастливым.
Я нанял светлый дом
С диваном, с камельком;
Три комнатки простые —
В них злата, бронзы нет,
И ткани выписные
Не кроют их паркет.
Окошки в сад веселый,
Где липы престарелы
С черемухой цветут;
Где мне в часы полдневны
Березок своды темны
Прохладну сень дают;
Где ландыш белоснежный
Сплелся с фиалкой нежной,
И быстрый ручеек,
В струях неся цветок,
Невидимый для взора,
Лепечет у забора.
Здесь добрый твой поэт
Живет благополучно;
Не ходит в модный свет:
На улице карет
Не слышит стук докучный:
Здесь грома вовсе нет:
Лишь изредка телега

Скрыпит по мостовой,
Иль путник, в домик мой
Пришед искать ночлега,
Дорожною клюкой
В калитку постучится...

Блажен, кто веселится
В покое, без забот,
С кем втайне Феб дружится
И маленький Эрот;
Блажен, кто на просторе
В укромном уголке
Не думает о горе,
Гуляет в колпаке,
Пьет, ест, когда захочет,
О госте не хлопочет!
Никто, никто ему
Лениться одному
В постеле не мешает;
Захочет — Аонид
Толпу к себе сзывает;
Захочет — сладко спит,
На *Рифмова* склоняясь
И тихо забываясь.
Так я, мой милый друг,
Теперь расположился;
С толпой бесстыдных слуг
Навеки распростился;

Укрывшись в кабинет,
Один я не скучаю
И часто целый свет
С восторгом забываю.
Друзья мне — мертвецы,
Парнасские жрецы;
Над полкою простою
Под тонкою тафтою
Со мной они живут.
Певцы красноречивы,
Прозаики шутивы
В порядке стали тут.
Сын Мома и Минервы,
Фернейский злой крикун,
Поэт в поэтах первый,
Ты здесь, седой шалун!
Он Фебом был воспитан,
Из детства стал пиит:
Всех больше перечитан,
Всех менее томит;
Соперник Эврипида,
Эраты нежной друг,
Арьоста, Тасса внук —
Скажу ль? ... отец Кандида —
Он всё; везде велик
Единственный старик!
На полке за Вольтером
Виргилий, Тасс с Гомером

Все вместе предстоят.
В час утренний досуга
Я часто друг от друга
Люблю их отрывать.
Питомцы юных Граций —
С Державиным потом
Чувствительный Гораций
Является вдвоем.
И ты, певец любезный,
Поэзией прелестной
Сердца привлекий в плен,
Ты здесь, лентяй беспечный,
Мудрец простосердечный,
Ванюша Лафонтен!
Ты здесь — и Дмитрев нежный,
Твой вымысел любя,
Нашел приют надежный
С Крыловым близ тебя. —
Но вот наперсник милый
Психеи златокрылой!
О добрый Лафонтен,
С тобой он смел сразиться...
Коль можешь ты дивиться,
Дивись: ты побежден!
Воспитанны Амуром
Вержье, Парни с Грекуром
Укрылись в уголок.
(Не раз они выходят

И сон от глаз отводят
Под зимний вечерок).
Здесь Озеров с Расином,
Руссо и Карамзин,
С Мольером-исполином
Фон-Визин и Княжнин.
За ними, хмурясь важно,
Их грозный Аристарх
Является отважно
В шестнадцати томах.
Хоть страшно стихоткачу
Лагарпа видеть вкус,
Но часто, признаюсь,
Над ним я время трачу.

Кладбище обрели
На самой нижней полки
Все школьнически толки,
Лежащие в пыли,
Визгова сочиненья,
Глупона псалмопенья,
Известные творенья
Увы! одним мышам.
Мир вечный и забвенье
И прозе и стихам!
Но ими огражденну
(Ты должен это знать)
Я спрятал потаенну

Сафьянную тетрадь.
Сей свиток драгоценный,
Веками сбереженный,
От члена русских сил,
Двоюродного брата,
Драгунского солдата
Я даром получил.
Ты, кажется, в сомненьи...
Нетрудно отгадать;
Так, это сочиненьи,
Презревшие печать.
Хвала вам, чады славы,
Враги Парнасских уз!
О князь, наперсник Муз,
Люблю твои забавы;
Люблю твой колкий стих
В посланиях твоих,
В сатире — знанье света
И слога чистоту,
И в резвости куплета
Игриву остроту.
И ты, насмешник смелый,
В ней место получил,
Чей в аде свист веселый
Поэтов раздражил,
Как в юношески леты
В волнах туманной Леты
Их гуртом потопил;

И ты, замысловатый
Буянова певец,
В картинах толь богатый
И вкуса образец;
И ты, шутник бесценный,
Который Мельпомены
Котурны и кинжал
Игривой Тальи дал!
Чья кисть мне нарисует,
Чья кисть скомпанирует
Такой оригинал!
Тут вижу я с *Чернавкой*
Подщица слезы льет;
Здесь Князь дрожит под лавкой,
Там дремлет весь совет;
В трагическом смятеньи
Плененные цари,
Забив войну, сраженьи,
Играют в кубари...
Но назову ль детину,
Что доброю порой
Тетради половину
Наполнил лишь собой!
О ты, высот Парнасса
Боярин небольшой,
Но пылкого Пегаса
Наездник удалой!
Намаранные оды,

Убранство чердаков,
Гласят из рода в роды:
Велик, велик — Свистов!
Твой дар ценить умею,
Хоть право не знаток;
Но здесь тебе не смею
Хвалы сплестать венок:
Свистовским должно слогом
Свистова воспевать;
Но, убирайся с богом,
Как ты, в том клясться рад,
Не стану я писать.

О вы, в моей пустыне
Любимые творцы!
Займите же отныне
Беспечности часы.
Мой друг! весь день я с ними,
То в думу углублен,
То мыслями своими
В Элизий пренесен.
Когда же на закате
Последний луч зари
Потонет в ярком злате,
И светлые цари
Смеркающейся ночи
Плывут по небесам,
И тихо дремлют рощи,

И шорох по лесам,
Мой гений невидимкой
Летает надо мной;
И я в тиши ночной
Сливаю голос свой
С пастушьею волынкой.
Ах! счастлив, счастлив тот,
Кто лиру в дар от Феба
Во цвете дней возьмет!
Как смелый житель неба,
Он к солнцу воспарит,
Превыше смертных станет,
И слава громко грянет:
«Бессмертен век пиит!»

Но ею мне ль гордиться,
Но мне ль бессмертьем льститься?...
До слез я спорить рад,
Не бьюсь лишь об заклад,
Как знать, и мне, быть может,
Печать свою наложит
Небесный Аполлон;
Сияя горним светом,
Бестрепетным полетом
Взлечу на Геликон.
Не весь я предан тленью;
С моей, быть может, тенью
Полунощной порой

Сын Феба молодой,
Мой правнук просвещенный,
Беседовать придет
И мною вдохновенный
На лире воздохнет.

Покаместь, друг бесценный,
Камином освещенный,
Сижусь я под окном
С бумагой и с пером,
Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я ныне вдохновен.
Мой друг, я счастлив ею.
Почто ж ее сестрой,
Любовию младой
Напрасно пламенею?
Иль юности златой
Вотще даны мне розы,
И лить навеки слезы
В юдоле, где расцвел
Мой горестный удел?...
Певца сопутник милый,
Мечтанье легкокрыло!
О, будь же ты со мной,
Дай руку сладострастью
И с чашей круговой
Веди меня ко счастью

Забвения тропой:
И в час безмолвной ночи,
Когда ленивый мак
Покроет томны очи,
На ветреных крылах
Примчись в мой домик тесный,
Тихонько постучись,
И в тишине прелестной
С любимцем обнимись!
Мечта! в волшебной сени
Мне милую яви,
Мой свет, мой добрый гений,
Предмет моей любви,
И блеск очей небесный,
Лиющих огонь в сердца,
И Граций стан прелестный
И снег ее лица;
Представь, что, на коленях
Покоюсь у меня,
В порывистых томленьях
Склонилась она
Ко груди грудью страстной,
Устами на устах,
Горит лицо прекрасной,
И слезы на глазах!..
Почто стрелой незримой
Уже летишь ты вдаль?
Обманет — и пропал

Беглец невозвратимый!
Не слышит плач и стон
И где крылатый сон?
Исчезнет обольститель,
И в сердце грусть-мучитель.

Но всё ли, милый друг,
Быть счастья в упоеньи?
И в грусти томный дух
Находит наслажденье:
Люблю я в летний день
Бродить один с тоскою,
Встречать вечерню тень
Над тихою рекою
И с сладостной слезою
В даль сумрачну смотреть;
Люблю с моим Мароном
Под ясным небосклоном
Близь озера сидеть,
Где лебедь белоснежный,
Оставя злак прибрежный,
Любви и неги полн,
С подругою своею,
Закинув гордо шею,
Плывет во злате волн.
Или, для развлеченья,
Оставя книг ученье,
В досужный мне часок

У добренькой старушки
Душистый пью чаек,
Не подхожу я к ручке,
Не шаркаю пред ней;
Она не приседает,
Но тотчас и вестей
Мне пропасть наболтает.
Газеты собирает
Со всех она сторон,
Всё сведает, узнает:
Кто умер, кто влюблен,
Кого жена по моде
Рогами убрала,
В котором огороде
Капуста цвет дала,
Фома свою хозяйку
Не за что наказал,
Антошка балалайку
Играя разломал. —
Старушка всё расскажет;
Меж тем как юбку вяжет,
Болтает всё свое;
А я сижу смиренно
В мечтаньях углубленный,
Не слушая ее.
На рифмы удалого
Так некогда *Свистова*
В столице я внимал.

Когда свои творенья
Он с жаром мне читал,
Ах! видно, бог пытал
Тогда мое терпенье!

Иль добрый мой сосед,
Семидесяти лет,
Уволенный от службы
Майором отставным,
Зовет меня из дружбы
Хлеб-соль откусать с ним.
Вечернею пирушкой
Старик, развеселясь,
За дедовскою кружкой
В прошедшем углубясь,
С Очаковской медалью
На раненой груди,
Вспомнит ту баталью,
Где роты впереди
Летел на встречу славы,
Но встретился с ядром
И пал на дол кровавый
С булатным палахом.
Всегда я рад душою
С ним время провождать,
Но, боже, виноват!
Я каюсь пред тобою,
Служителей твоих,

Попов я городских
Боюсь, боюсь беседы
И свадебны обеды
Затем лишь не терплю,
Что сельских иереев,
Как папа иудеев,
Я вовсе не люблю,
А с ними крючковатый
Подьяческий народ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплот.

Но, друг мой, естли вскоре
Увижусь я с тобой,
То мы уходим горе
За чашей круговой;
Тогда, клянусь богами,
(И слово уж сдержу)
Я с сельскими попами
Молебен отслужу.

Вода и вино

Люблю я в полдень воспаленный
Прохладу черпать из ручья
И в роще тихой, отдаленной

Смотреть, как плещет в брег струя.
Когда ж вино в края поскачет,
Напелясь в чаше круговой,
Друзья, скажите, — кто не плачет,
Заране радуясь душой?

Да будет проклят дерзновенный,
Кто первый грешною рукой,
Нечестьем буйным ослепленный,
О страх!.. смешил вино с водой!
Да будет проклят род злодея!
Пусть не в силах будет пить,
Или, стаканами владея,
Лафит с Цымлянским различить!

Измены

«Всё миновалось!
Мимо промчалось
Время любви.
Страсти мученья!
В мраке забвенья
Скрылися вы.
Так я премены
Сладость вкусил:
Гордой Елены

Цепи забыл.
Сердце, ты в воле!
Всё позабудь;
В новой сей доле
Счастливо будь.
Только весною
Зефир младою
Розой пленен;
В юности страстной
Был я прекрасной
В сеть увлечен.
Нет, я не буду
Впредь воздыхать,
Страсть позабуду;
Полно страдать!
Скоро печали
Встречу конец.
Ах! для тебя ли,
Юный певец,
Прелесть Елены
Розой цветет?..
Пусть весь народ,
Ею прельщенный,
Вслед за мечтой
Мчится толпой;
В мирном жилище,
На пепелище,
В чаше простой

Стану в смиренности
Черпать забвенью
И — для друзей
Резвой рукою
Двигать струною
Арфы моей».

В скучной разлуке
Так я мечтал,
В горести, в муке
Себя услаждал;
В сердце возженный
Образ Елены
Мнил истребить.
Прошлой весною
Юную Хлою
Вздумал любить.
Как ветерочек
Ранней порой
Гонит листочек
С резвой волной,
Так непрестанно
Непостоянный
Страстью играл,
Лилу, Темиру,
Всех обожал,
Сердце и лиру
Всем посвящал. —

Что же? — напрасно
С груди прекрасной
Шаль я срывал.
Тщетны измены!
Образ Елены
В сердце пылал!
Ах! возвратися,
Радость очей,
Хладна, тронися
Грустью моей. —
Тщетно взывает
Бедный певец!
Нет! не встречает
Мукам конец...
Так! до могилы
Грустен, унылый,
Крова ищи!
Всеми забытый,
Терном увитый
Цепи влачи.....

**К Лицинию
(с латинского)**

Лициний, зришь ли ты? на быстрой
колеснице,

Увенчан лаврами, в блестящей багрянице,
Спесиво развалясь, Ветулий молодой
В толпу народную летит по мостовой.
Смотри, как все пред ним усердно спину

клонят,

Как ликторов полки народ несчастный гонят.
Льстецов, сенаторов, прелестниц длинный ряд
С покорностью ему умильный мешут взгляд,
Ждут в тайном трепете улыбку, глаз

движенья,

Как будто дивного богов благословенья:
И дети малые, и старцы с сединой
Стремятся все за ним и взором и душой,
И даже след колес, в грязи напечатленный,
Как некий памятник им кажется священный.

О Ромулов народ! пред кем ты пал во прах?
Пред кем восчувствовал в душе столь низкой
страх?

Квириты гордые под иго преклонились!..
Кому ж, о небеса! кому поработились?...
Скажу ль — Ветулию! — Отчизне стыд моей,
Развратный юноша воссел в совет мужей,
Любимец деспота Сенатом слабым правит,
На Рим простер ярем, отечество бесславит.
Ветулий, римлян царь!.. О срам! о времена!
Или вселенная на гибель предана?

Но кто под портиком, с руками за спиною,
В изорванном плаще и с нищенской клюкою,
Поникнув головой, нахмурившись идет?
Не ошибаюсь я, философ то Дамет.
«Дамет! куда, скажи, в одежде столь убогой
Средь Рима пышного бредешь своей
дорогой?»»

«Куда? не знаю сам. Пустыни я ищу.
Среди разврата жить уж боле не хочу;
Япетовых детей пороки, злобу вижу,
Навек оставлю Рим: я людства ненавижу».

Лициний, добрый друг! не лучше ли и нам,
Отдав поклон мечте, Фортуне, суетам,
Седого стойка примером научиться?
Не лучше ль поскорей со градом
распроститься,
Где всё на откупе: законы, правота,
И жены, и мужья, и честь, и красота?
Пускай Глицерия, красавица младая,
Равно всем общая, как чаша круговая,
Других неопытных в любовну ловит сеть;
Нам стыдно слабости с морщинами иметь.
Летит от старика любовь в толпе веселий.
Пускай бесстыдный Клит, вельможей раб
Корнелий,
Оставляя ложе сна с запевшим петухом,

От знатных к богачам бегут из дома в дом;
Я сердцем римлянин, кипит в груди свобода,
Во мне не дремлет дух великого народа.
Лициний, поспешим далеко от забот,
Безумных гордецов, обманчивых красот,
Докучных риторов, Парнасских Геростратов;
В деревню пренесем отеческих пенатов;
В тенистой рощице, на берегу морском
Найти нетрудно нам красивый, светлый дом,
Где. больше не страшась народного волненья,
Под старость отдохнем в тиши уединенья,
И там, расположась в уютном уголке,
При дубе пламенном, возженном в камельке,
Вспомнив старину за дедовским фиялом,
Свой дух воспламеню Петроном, Ювеналом,
В гремящей сатире порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.

О Рим! о гордый край разврата, злодеянья,
Придет ужасный день — день мщенья,
наказанья;

Предвижу грозного величия конец,
Падет, падет во прах вселенныя венец!
Народы дикие, сыны свирепой брани.
Войны ужасной меч прияв в кровавы длани,
И горы, и моря оставят за собой
И хлынут на тебя кипящею рекой.
Исчезнет Рим: его покроет мрак глубокой;

И путник, обратив на груды камней око,
Речет задумавшись, в мечтаньях углублен:
«Свободой Рим возрос — а рабством
погублен».

Батюшкову

В пещерах Геликона
Я некогда рожден;
Во имя Аполлона
Тибуллом окрещен,
И светлой Иппокреной
С издетства напоенный
Под кровом вешних роз,
Поэтом я возрос.

Веселый сын Эрмия
Ребенка любил,
В дни резвости златые
Мне дудку подарил.
Знакомясь с нею рано,
Дудил я непрестанно:
Нескладно хоть играл,
Но Музам не скучал.

А ты, певец забавы

И друг Пермесских дев,
Ты хочешь, чтобы, славы
Стезю полетев,
Простясь с Анакреоном,
Спешил я за Мароном
И пел при звуках лир
Войны кровавый пир.

Дано мне мало Фебом:
Охота, скудный дар.
Пою под чуждым небом,
Вдали домашних Лар,
И, с дерзостным Икаром
Страшась летать не даром,
Бреду своим путем:
Будь всякой при своем.

Наполеон на Эльбе (1815)

Вечерняя заря в пучине догорала,
Над мрачной Эльбою носилась тишина,
Сквозь тучи бледные тихонько пробегала
Туманная луна:
Уже на западе седой, одетый мглою,
С равниной синих вод сливался небосклон.
Один во тьме ночной над дикою скалою

Сидел Наполеон.

В уме губителя теснились мрачны думы,

Он новую в мечтах Европе цепь ковал

И, к дальним берегам возведши взор

угрюмый,

Свирепо прошептал:

«Вокруг меня всё мертвым сном почило,

Легла в туман пучина бурных волн,

Не выплывет ни утлый в море чолн,

Ни гладный зверь не взвоет над могилой —

Я здесь один, мятежной думы полн...

О, скоро ли, напелясь под рулями,

Меня помчит покорная волна,

И спящих вод прервется тишина?...

Волнуйся, ночь, над Эльбскими скалами!

Мрачнее тмись за тучами, луна!

Там ждут меня бесстрашные дружины.

Уже сошлись, уже сомкнуты в строй!

Уж мир лежит в оковах предо мной!

Прейду я к вам сквозь черные пучины

И гряну вновь погибельной грозой!

И вспыхнет брань! за галльскими орлами,

С мечом в руках победа полетит,

Кровавый ток в долинах закипит,

И троны в прах низвергну я громами
И сокрушу Европы дивный щит!..

Но вокруг меня всё мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн,
Не выплывет ни утлый в море чолн,
Ни гладный зверь не взвоет над могилой —
Я здесь один, мятежной думы полн...

О счастье! злобный обольститель,
И ты, как сладкой сон, сокрылось от очей,
Средь бурей тайный мой хранитель
И верный пестун с юных дней!

Давно ль невидимой стезею
Меня ко трону ты вело

И скрыло дерзостной рукою
В венцах лавровое чело!

Давно ли с трепетом народы
Несли мне робко дань свободы,
Знамена чести преклоня;

Дымились громаы вокруг меня,
И слава в блеске над главою

Неслась, прикрыв меня крылом?...

Но туча грозная нависла над Москвою,
И грянул мести гром!..

Полнощи царь молодой! — ты двигнул

ополченья,

И гибель вслед пошла кровавым знаменам,

Отозвалось могущего паденье,
И мир земле, и радость небесам,
А мне — позор и заточенье!
И раздроблен мой звонкой щит,
Не блещет шлем на поле браней;
В прибрежном злаке меч забыт
И тускнет на тумане.
И тихо всё кругом. В безмолвии ночей
Напрасно чудится мне смерти завыванье,
И стук блистающих мечей,
И падших ярое стенанье —
Лишь плещущим волнам внимает жадный

слух;

Умолк сражений клик знакомый,
Вражды кровавой гаснут громы,
И факел мщенья потух.
Но близок час! грядет минута роковая!
Уже летит ладья, где грозный трон сокрыт;
Кругом простерта мгла густая,
И, взором гибели сверкая,
Бледнеющий мятеж на палубе сидит.
Страшись, о Галлия! Европа! мщенье,

мщенье!

Рыдай — твой бич восстал — и всё падет во
прах.

Всё сгибнет, и тогда, в всеобщем разрушенье,
Царем воссяду на гробах!»

Умолк. На небесах лежали мрачны тени,
И месяц, дальних туч покинув темны сени,
Дрожащий, слабый свет на запад изливал —
Восточная звезда играла в океане,
И зрелась ладья, бегущая в тумане
Под сводом Эльбских грозных скал.
И Галлия тебя, о хищник, осенила;
Побегли с трепетом законные цари.
Но зришь ли? Гаснет день, мгновенно тьма
сокрыла

Лицо пылающей зари,
Простерлась тишина над бездною седою,
Мрачится неба свод, гроза во мгле висит,
Всё смолкло... трепещи! погибель над тобою,
И жребий твой еще сокрыт!

К Пушкину. (4 мая)

Любезный именинник,
О Пушкин дорогой!
Прибрел к тебе пустынный
С открытою душой;
С пришельцем обнимися —
Но доброго певца
Встречать не суетися

С парадного крыльца.
Он гость без этикета,
Не требует привета
Лукавой суеты;
Прими ж его лобзанья
И чистые желанья
Сердечной простоты!
Устрой гостям пирушку;
На столик вощаной
Поставь пивную кружку
И кубок пуншевой.
Старинный собутыльник!
Забудемся на час.
Пускай ума светильник
Погаснет ныне в нас;
Пускай старик крылатый
Летит на почтовых:
Нам дорог миг утраты
В забавах лишь одних!

Ты счастлив, друг сердечный!
В спокойствии златом
Течет твой век беспечный,
Проходит день за днем;
И ты в беседе Граций,
Не зная черных бед,
Живешь, как жил Гораций,
Хотя и не поэт.

Под кровом небогатым
Ты вовсе не знаком
С зловещим Гипократом,
С нахмуренным попом;
Не видишь у порогу
Толпящихся забот;
Нашли к тебе дорогу
Веселость и Эрот;
Ты любишь звон стаканов
И трубки дым густой,
И демон метроманов
Не властвует тобой.
Ты счастлив в этой доле.
Скажи, чего же боле
Мне другу пожелать?
Придется замолчать...

Дай бог, чтоб я, с друзьями
Встречая сотый май,
Покрытый сединами,
Сказал тебе стихами:
Вот кубок; наливай!
Веселье! будь до гроба
Сопутник верный наш,
И пусть умрем мы оба
При стуке полных чаш!

К Галичу

Пускай угрюмый рифмотвор,
Повитый маком и крапивой,
Холодных од творец ретивый,
На скучный лад сплетая вздор,
Зовет обедать генерала, —
О Галич, верный друг бокала
И жирных утренних пиров,
Тебя зову, мудрец ленивый,
В приют поэзии счастливый,
Под отдаленный неги кров.
Давно в моем уединеньи,
В кругу бутылок и друзей,
Не зрели кружки мы твоей,
Подруги долгих наслаждений,
Острот и хохота гостей.
В тебе трудиться нет охоты.
Садись на тройку злых коней,
Оставь Петрополь и заботы,
Лети в счастливый городок.
Зайди к жиду Золотареву,
В его, всем общий, уголок;
Мы там, собравшись в кружок,
Прольем вина струю багрову,
И с громом двери на замок
Запрет веселье молодое.

И гордый на столе пирог
Друзей стесненными рядами,
Сверкая светлыми ножами,
С тобою храбро осадим
И мигом стены разгромим;
Когда ж, вином отягощенный,
С главой, в колени преклоненной,
Захочешь в мире отдохнуть
И, опускаясь в подушку,
Дабы спокойнее заснуть,
Уронишь налитую кружку
На старый бархатный диван, —
Тогда послания, куплеты,
Баллады, басенки, сонеты
Покинут скромный наш карман,
И крепок сон ленивца будет!..
Но рюмок звон тебя разбудит,
Ты вскочишь с бодрой головой,
Оставишь смятую подушку,
Подымешь милую подружку —
И в келье снова пир горой.

О Галич, время невозвратно,
И близок, близок грозный час,
Когда, слыша славы глас,
Покину кельи кров приятный,
Татарской сброшу свой халат.

Простите, девственные Музы!
Прости, приют молодых отряд!
Надону узкие рейтузы,
Завью в колечки гордый ус,
Заблещет пара эполетов,
И я — питомец важных Муз —
В числе воюющих корнетов!
О Галич, Галич! поспешай!
Тебя зовут и сон ленивый,
И друг ни скромный, ни спесивый,
И кубок полный через край!

Мечтатель

По небу крадется луна,
На холме тьма седеет,
На воды пала тишина.
С долины ветер веет,
Молчит певица вешних дней
В пустыне темной рощи,
Стада почили средь полей,
И тих полет полнощи;

И мирный неги уголок
Ночь сумраком одела,
В камине гаснет огонек,

И свечка нагорела;
Стоит богов домашних лик
В кивоте небогатом,
И бледный теплится ночник
Пред глиняным Пенатом.

Главою на руку склонен,
В забвении глубоком,
Я в сладки думы погружен
На ложе одиноком:
С волшебной ночи темнотой,
При месячном сияньи,
Слетают резвою толпой
Крылатые мечтаньи,

И тихой, тихой льется глас;
Дрожат золотые струны.
В глухой, безмолвный мрака час
Поет мечтатель юный:
Исполнен тайною тоской,
Молчаньем вдохновенный,
Летает резвою рукой
На лире оживленной.

Блажен, кто в низкой свой шалаш
В мольбах не просит Счастья!
Ему Зевес надежный страж
От грозного ненастья;

На маках лени, в тихой час,
Он сладко засыпает,
И бранных труб ужасный глас
Его не пробуждает.

Пускай, ударя в звучный щит
И с видом дерзновенным,
Мне Слава издали грозит
Перстом окровавленным,
И бранны вьются знамена,
И пышет бой кровавый —
Прелестна сердцу тишина;
Нейду, нейду за Славой.

Нашел в глуши я мирный кров
И дни веду смиренно;
Дана мне лира от богов,
Поэту дар бесценный;
И Муза верная со мной:
Хвала тебе, богиня!
Тобою красен домик мой
И дикая пустыня.

На слабом утре дней златых
Певца ты осенила,
Венком из миртов молодых
Чело его покрыла,
И, горним светом озарясь,

Влетала в скромну келью
И чуть дышала, преклонясь
Над детской колыбелью.

О, будь мне спутницей молодой
До самых врат могилы!
Летай с мечтаньем надо мной,
Расправя легки крылы;
Гоните мрачную печаль,
Пленяйте ум... обманом,
И милой жизни светлу даль
Кажите за туманом!

И тих мой будет поздний час:
И смерти добрый гений
Шепнет, у двери постучась:
«Пора в жилище теней!..»
Так в зимний вечер сладкой сон
Приходит в мирны сени,
Венчаный маком, и склонен
На посох томной лени...

Мое завещание. Друзьям

Хочу я завтра умереть
И в мир волшебный наслажденья,

На тихой берег вод забвенья,
Веселой тенью отлететь...
Прости навек, очарованье,
Отрада жизни и любви!
Приблизьтесь, о друзья мои,
Благоговенье и вниманье! —
Певец решился умереть. —
Итак, с вечернею луною,
В саду не лъзя ли дерн одеть
Узорной белой пеленою?
На темный берег сонных вод,
Где мы вели беседы наши,
Не лъзя ль, устроя длинный ход,
Нести наполненные чаши?
Зовите на последний пир
Спесивой Семелеи сына,
Эрота, друга наших лир,
Богов и смертных властелина,
Пускай веселье прибежит,
Махая резвою гремушкой,
И нас от сердца рассмешит
За полной пенистою кружкой.
Пускай игривою толпой
Слетят родные наши музы;
Им первый кубок круговой,
Друзья! священны нам их узы;
До ранней утренней звезды,
До тихого лучей рассвета

Не выйдут из руки поэта
Фиалы братской череды;
В последний раз мою цевницу,
Мечтаний сладостных певицу,
Прижму к восторженной груди.
В последний раз, томимый нежно,
Не вспомню вечность и друзей;
В последний раз на груди снежной
Упьюсь отрадой юных дней!

Когда ж восток озолотится
Во тьме денницей молодой,
И белый топол озарится,
Покрытый утренней росой,
Подайте грозд Анакреона;
Он был учителем моим:
И я сойду путем одним
На грустный берег Ахерона...
Простите, милые друзья,
Подайте руку; до свиданья!
И дайте, дайте обещанье,
Когда навек укроюсь я,
Мое исполнить завещанье.
Приди, певец мой дорогой,
Воспевший Вакха и Темиру.
Тебе дарю я лень и лиру;
Да будут Музы над тобой...
Ты не забудешь дружбы нашей,

О Пущин, ветренный мудрец!
Прими с моей глубокой чашей
Увядший миртовый венец!
Друзья! вам сердце оставляю
И память прошлых красных дней,
Окованных счастливой ленью
На ложе маков и лилей;
Мои стихи дарю забвенью,
Последний вздох, о други, ей!..

На тихой праздник погребенья
Я вас обязан пригласить;
Веселость, друг уединенья,
Билеты будет разносить...
Стекитесь резвою толпою,
Главы в венках, рука с рукою,
И пусть на гробе, где певец

Исчезнет в рощах Геликона,
Напишет беглый ваш резец:
*«Здесь дремлет Юноша-Мудрец,
Питомец Нег и Аполлона».*

К ней

Эльвина, милый друг, приди, подай мне руку,

Я вяну, прекрати тяжелый жизни сон;
Скажи — увижу ли... на долгую ль разлуку
Я роком осужден?

Ужели никогда на друга друг не взглянет,
Иль вечной темнотой покрыты дни мои?
Ужели никогда нас утро не застанет
В объятиях любви?

Эльвина, почему в часы глубокой ночи
Я не могу тебя с весельем обнимать,
На милую стремить томленья полны очи
И страстью трепетать?

И в радости немой, в восторгах наслажденья
Твой шопот сладостный и тихой стон внимать
И тихо в скромной тьме для неги пробужденья
Близ милой засыпать?

К молодой актрисе

Ты не наследница Клероны,
Не для тебя свои законы
Владелец Пинда начертал;
Тебе не много бог послал,
Твой голосок, телодвиженья,

Немые взоров обращенья
Не стоят, признаюсь, похвал
И шумных плесков удивленья;
Жестокой суждено судьбой
Тебе актрисой быть дурной.
Но, Клоя, ты мила собой.
Тебе во след толпятся смехи,
Сулят любовникам утехи —
Итак, венцы перед тобой,
И несомнительны успехи.

Ты пленным зрителя ведешь
Когда без такта ты поешь,
Недвижно стоя перед нами,
Поешь — и часто не в попад.
А мы усердными руками
Все громко хлопаем; кричат:
«Bravo! bravissimo! чудесно!»
Свистки сатириков молчат,
И все покорствуют прелестной.

Когда в неловкости своей,
Ты сложишь руки у груди,
Или подымешь их и снова
На грудь положишь, застыдясь;
Когда Милона молодого,
Лепеча что-то не для нас,
В любви без чувства уверяешь;

Или без памяти в слезах,
Холодный испуская *ах!*
Спокойно в креслы упадаешь,
Краснея и чуть-чуть дыша, —
Все шепчут: *ах! как хороша!*
Увы! другую б освистали:
Велико дело красота.
О Клоя, мудрые солгали:
Не всё на свете суета.

Пленяй же, Клоя, красотой;
Стократ блажен любовник тот,
Который нежно пред тобою,
Осмелясь, о любви поет;
В стихах и прозою на сцене
Тебя клянется обожать,
Кому ты можешь отвечать,
Не смея молвить об измене;
Блажен, кто может роль забыть
На сцене с миленькой актрисой
Жать руку ей, надеясь быть
Еще блаженней за кулисой!

Воспоминание (К Пущину)

Помнишь ли, мой брат по чаше,
Как в отрадной тишине
Мы топили горе наше
В чистом, пенистом вине?

Как, укрывшись молчаливо
В нашем темном уголке,
С Вакхом нежились лениво,
Школьной стражи вдалеке?

Помнишь ли друзей шептанье
Вкруг бокалов пуншевых,
Рюмок грозное молчанье —
Пламя трубок грошевых?

Закипев, о, сколь прекрасно
Токи дымные текли!..
Вдруг педанта глас ужасный
Нам послышался вдали...

И бутылки вмиг разбиты,
И бокалы все в окно —
Всюду по полу разлиты
Пунш и светлое вино.

Убегаем торопливо —
Вмиг исчез минутный страх!
Щек румяных цвет игривый,

Ум и сердце на устах,

Хохот чистого веселья,
Неподвижный, тусклый взор
Изменяли час похмелья,
Сладкой Вакха заговор.

О друзья мои сердечны!
Вам клянуся, за столом
Всякой год в часы беспечны
Поминать его вином.

Послание к Галичу

Где ты, ленивец мой?
Любовник наслажденья!
Ужель уединенья
Не мил тебе покой?
Ужели мне с тобой
Лишь помощью бумаги
Минуты провождать
И больше не видать
Парнасского бродяги?
На Пинде мой сосед,
И ты от Муз укрылся,
Минутный домосед,

С пенатами простился!
Уж темный уголок
И садик опустели,
Где мы под вечерок
За рюмками шумели;
Где Ком нас угощал
Форелью, пирогами,
И пенистый бокал
Нам Бахус подавал.
Бегут за днями дни
Без дружеских собраний;
Веселых пирований
Веселые сыны
С тобой разлучены;
И шумные беседы,
И долгие обеды
Не столь оживлены.
Один в каморке тесной
Вечерней тишиной
Хочу, мудрец любезный,
Беседовать с тобой.
Уж темна ночь объемлет
Брега спокойных вод;
Мурлыча, в келье дремлет
Спесивый, старый кот.
Покамест сон прелестный,
Под сенью тихих крил,
В обители безвестной

Меня не усыпил,
Морфея в ожиданьи,
В постеле я лежу
И беглое посланье
Без строгого старанья
Предателю пишу.
Далече той станицы,
Где Фебовы сестрицы
Мне с негой вьют досуг,
Скажи — среди столицы
Чем занят ты, мой друг?
Ужель приют поэта
Теперь средь вихря света,
Вдали родных полей
И ближних, и друзей?
Ужель в театре шумном,
Где дюжий Аполлон
Партером полуумным
Прославлен, оглушен,
Измученный напевом
Бессмысленных стихов,
Ты спишь под страшным ревом
Актеров и смычков?
Или, мудрец придворный,
С улыбкою притворной
Пред лентою цветной
Поникнув головой,
С вертушкою слепой

Знакомиться желаешь?
Иль Креза за столом
В куплете заказном
Трусливо величаешь?..
Нет, добрый Галич мой!
Поклону ты не сроден.
Друг мудрости прямой
Правдив и благороден;
Он любит тишину,
Судьбе своей послушный,
На барскую казну
Взирает равнодушно,
Рублям откупщика
Смеясь веселым часом,
Не снимет колпака
Философ пред Мидасом.
Пускай не дружен он
С Фортуною коварной,
Но Вакхом награжден
Философ благодарный,
Когда сей бог молодой
Вечернею порой
Лафит и грог янтарный
С улыбкой на устах
В стекле ему подносит
И каплю выпить просит
Качаясь на ногах.
Мечтанье обнимая,

Любовь его ведет,
И дружба молодая
Венки ему плетет.
И счастлив он, признаться,
На деле, не в мечтах,
Когда минуты мчатся
Веселья на крылах;
Когда друзья-поэты
С утра до ночи с ним
Шумят, поют куплеты,
Пьют *мозель* разогретый,
Приателям своим
Послания читают
И трубку разжигают
Безрифминным лихим!..

Оставь же город скучный,
С друзьями съединись
И с ними неразлучно
В пустыне уживись.
Беги, беги столицы,
О Галич мой, сюда!
Здесь розовой денницы
Не видя никогда,
Ленясь под одеялом,
С Тибурским мудрецом
Мы часто за бокалом
Проснемся — и заснем.

Смотри: тебе в награду
Наш Дельвиг, наш поэт,
Несет свою балладу,
И стансы винограду,
И к лилии куплет.
И полон становится
Твой малый, тесный дом
Вот с милым остряком
Наш песельник тащится
По лестнице с гудком,
И все к тебе нагрянем —
И снова каждый день
Стихами, прозой станем
Мы гнать печали тень.
Подруги молодые
Нас будут посещать;
Нам жизни дни златые
Не страшно расточать.
Поделится с забавой
Мы веком остальным,
С волшебницею-славой
И с Вакхом молодым.

Моя эпитафия

Здесь Пушкин погребен; он с музой молодою,

С любовью, леностью провел веселый век,
Не делал доброго, однакож был душою,
Ей богу, добрый человек.

Сраженный рыцарь

Последним сияньем за лесом горя,
Вечерняя тихо потухла заря,
Безмолвна долина глухая;
В тумане пустынном клубится река,
Ленивой грядою идут облака,
Меж ими луна золотая.

Чугунные латы на холме лежат,
Копье раздробленно, в перчатке булат,
И щит под шеломом заржавым,
Вонзились шпоры в увлажненный мох: —
Лежат неподвижно, и месяца рог
Над ними в блистаньи кровавом.

Вкруг холма обходит друг сильного — конь;
В очах горделивых померкнул огонь —
Он бранную голову клонит.
Беспечным копытом бьет камень долин —
И смотрит на латы — конь верный один,
И дико трепещет, и стонет.

Во тьме заблудившись, пришелец идет,
С надеждою робость он в сердце несет —
Склонясь над дорожной клюкою,
На холм он взобрался, и в тусклую даль
Он смотрит, и сходит — и звонкую сталь
Толкает усталой ногою.

Хладеет пришелец — кольчуги звучат.
Погибшего грозно в них кости стучат,
По камням шелом покатился,
Скрывался в нем череп... при звуке глухом
Заржал конь ретивый — скок лётном на
ХОЛМ —
Взглянул... и главою склонился.

Уж путник далече в тьме бродит ночной,
Всё мнится, что кости хрустят под ногой...
Но утро денница выводит —
Сраженный во брани на холме лежит,
И латы недвижны, и шлем не стучит,
И конь вокруг погибшего, ходит.

К Дельвигу

Послушай, муз невинных

Лукавый духовник:
Жилец полей пустынных,
Поэтов грешный лик
Умножил я собою,
И я главой поник
Пред милою мечтою;
Мой дядюшка-поэт
На то мне дал совет
И с музами сосватал.
Сначала я шалил,
Шутя стихи кроил,
А там их напечатал,
И вот теперь я брат
Бестолкову пустому,
Тому, сему, другому
Да я ж и виноват!

Спасибо за посланье —
Но что мне пользы в том?
На грешника потом
Ведь станут в посмеянье
Указывать перстом! —
Изменник! с Аполлоном
Ты, видно, заодно;
А мне прослыть Прадоном
Отныне суждено.
Везде беды застану!
Увы, мне, метроману,

Куда сокроюсь я?
Предатели-друзья
Невинное творенье
Украдкой в город шлют
И плод уединенья
Тисненью предают, —
Бумагу убивают!
Поэта окружают
С улыбкой остряки.
«Ах, сударь! мне сказали,
Вы пишете стишки;
Увидеть их не лъзя ли?
Вы в них изображали,
Конечно, ручейки,
Конечно, василечик,
Иль тихой ветерочик,
И рощи, и цветки...»

О Дельвиг! начертали
Мне Музы мой удел;
Но ты ль мои печали
Умножить захотел?
В объятиях Морфея
Беспечный дух лелея,
Еще хоть год один
Позволь мне полениться
И негой насладиться, —
Я, право, неги сын!

А там, хоть нет охоты,
Но придут уж заботы
Со всех ко мне сторон:
И буду принужден
С журналами сражаться,
С газетой торговаться,
С Графовым восхищаться...
Помилуй, Аполлон!

Роза

Где наша роза?
Друзья мои!
Увяла роза,
Дитя зари!..
Не говори:
Вот жизни младость,
Не повтори:
Так вянет радость,
В душе скажи:
Прости! жалею...
И на лилею
Нам укажи.

На возвращение государя императора из

Парижа в 1815 году

Утихла брань племен: в пределах отдаленных
Не слышен битвы шум и голос труб военных;
С небесной высоты, при звуке стройных лир,
На землю мрачную нисходит светлый Мир.
Свершилось!.. Русской царь, достиг ты
славной цели!

Вотще надменные на родину летели;
Вотще впреди знамен бесчисленных дружин
В могущей дерзости венчанный исполин
На гибель грозно шел, влек цепи за собою:
Меч огненный блеснул за дымною Москвою!
Звезда губителя потухла в вечной мгле,
И пламенный венец померкнул на челе!
Содрогся счастья сын, и, брошенный судьбою,
Он землю русскую не взвидел под собою. —
Бежит... и мести гром слетел ему во след;
И с трона гордый пал... и вновь восстал... и
нет!

Тебе, наш храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки врагов покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложив пернатый шлем,
Колена преклонив пред вышним алтарем,
Ты браней меч извлек и клятву дал святую
От ига оградить страну свою родную.

Мы вняли клятве сей; и гордые сердца
В восторге пламенном летели вслед отца
И смертью роковой горели и дрожали;
И россы пред врагом твердыней грозной
стали!..

«К мечам!» раздался клик, и вихрем
понеслись;

Знамены, восшумев, по ветру развились;
Обнялся с братом брат: и милым дали руку
Младые ратники на грустную разлуку;
Сразились. Воспылал свободы ярый бой,
И смерть хватала их холодною рукой!..

А я... вдали громов, в сени твоей надежной...
Я тихо расцветал, беспечный, безмятежный!
Увы! мне не судил таинственный предел
Сражаться за тебя под градом вражьих стрел!..
Сыны Бородина, о Кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?
Почто, сжимая меч младенческой рукою,
Покрытый ранами, не пал я пред тобою
И славы под крылом наутре не почил?
Почто великих дел свидетелем не был?

О, сколь величествен, бессмертный, ты явился
Когда на сильного с сынами устремился;

И, челы приподняв из мрачности гробов,
Народы, падшие под бременем оков,
Тяжелой цепию с восторгом потрясали
И с робкой радостью друг друга вопрошали:
«Ужель свободны мы?... Ужели грозный

пал...

Кто смелый? Кто в громах на севере
восстал?..»

И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колена окружила
Освобожденною от рабских уз рукой,
И власть мятежная исчезла пред тобой!

И ныне ты к сынам, о царь наш, возвратился,
И край полуночи восторгом озарился!
Склони на свой народ смиренья полный

взгляд —

Все лица радостью, любовью блещут.
Внемли — повсюду весть отрадная несется,
Повсюду гордый клик веселья раздается;
По стогнам шум, везде сияет торжество,
И ты среди толпы, России божество!
Встречать вождя побед летят твои дружины.
Старик, счастливый век забыв Екатерины,
Взирает на тебя с безмолвною слезой.

Ты наш, о русской царь! оставь же шлем
стальной

И грозный меч войны, и щит — ограду нашу;

Излей пред Янусом священну мира чашу,
И, брани сокрушив могущею рукой,
Вселенну осени желанной тишиной!..
И придут времена спокойствия златые,
Покроет шлемы ржа, и стрелы каленые,
В колчанах скрытые, забудут свой полет;
Счастливый селянин, не зная бурных бед,
По нивам повлечет плуг, миром изощренный;
Суда летучие, торговлей окриленны,
Кормами рассекут свободный океан,
И юные сыны воинственных славян
Спокойной праздности с досадой предадутся,
И молча некогда вокруг старца соберутся,
Преклонят жадный слух, и ветхим костылем
И стан, и ратный строй, и дальний бор с

ХОЛМОМ

На прахе начертит он медленно пред ними,
Словами истины, свободными, простыми,
Им славу прошлых лет в рассказах оживит
И доброго царя в слезах благословит.

* * *

Итак я счастлив был, итак я наслаждался,
Отрадой тихую, восторгом упивался...
И где веселья быстрый день?
Промчался летом сновиденья,

Увяла прелесть наслажденья,
И снова вокруг меня угрюмой скуки тень!

Слеза

Вчера за чашей пуншевою
С гусаром я сидел,
И молча с мрачною душою
На дальний путь глядел.

«Скажи, что смотришь на дорогу? —
Мой храбрый спросил. —
Еще по ней ты, слава богу,
Друзей не проводил».

К груди поникнув головою,
Я скоро прошептал:
«Гусар! уж нет *ее* со мною!...»
Вздыхнул — и замолчал.

Слеза повисла на реснице
И канула в бокал. —
«Дитя! ты плачешь о девице.
Стыдись!» — он закричал.

«Оставь, гусар... ох! сердцу больно.

Ты, знать, не горевал.
Увы! одной слезы довольно,
Чтоб отравить бокал!..»

* * *

Угрюмых тройка есть певцов —
Шихматов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов —
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

К Бар. М. А. Дельвиг

Вам восемь лет, а мне семнадцать било.
И я считал когда-то восемь лет;
Они прошли. — В судьбе своей унылой,
Бог знает как, я ныне стал поэт.
Не возвратить уже того, что было,
Уже я стар, мне незнакома ложь:
Так верьте мне — мы спасены лишь верой.
Послушайте: Амур, как вы, хорош;
Амур дитя, Амур на вас похож —
В мои лета вы будете Венерой.

Но если только буду жив,
Всевышней благостью Зевеса,
И столько же красноречив —
Я напишу вам, баронесса,
В латинском вкусе мадригал,
Чудесный, вовсе без искусства —
Не много истинных похвал,
Но много истинного чувства.
Скажу я: «Ради ваших глаз,
О баронесса! ради балов,
Когда мы все глядим на вас,
Взгляните на меня хоть раз
В награду прежних мадригалов
Когда ж Амур и Гименей
В прелестной Марии моей
Поздравят молодую даму —
Удастся ль мне под старость дня,
Вам посвятить эпиталаму?»

Моему Аристарху

Помилуй, трезвый Аристарх
Моих бахических посланий,
Не осуждай моих мечтаний
И чувства в ветренных стихах:
Плоды веселого досуга,

Не для бессмертья рождены,
Но разве так сбережены
Для самого себя, для друга,
Или для Хлои молодой.
Помилуй, сжался надо мной —
Не нужны мне твои уроки.
Я знаю сам свои пороки.
Конечно беден гений мой:
За рифмой часто холостой,
На зло законам сочетанья,
Бегут трестопные толпой
На *аю*, *ает* и на *ой*. —
Еще немногие признанья:
Я ставлю (кто же без греха?)
Пустые часто восклицанья,
И сряду лишних три стиха;
Нехорошо, но оправданья
Не лъзя ли скромно принести?
Мои летучие посланья
В потомстве будут ли цвести?
Не думай, цензор мой угрюмый,
Что я, беснуясь по ночам,
Окован стихотворной думой,
Покою жертвую стихам;
Что, бегая по всем углам,
Ерошу волосы клоками,
Подобно Фебовым жрецам
Сверкаю грозными очами,

Едва дыша, нахмуря взор,
И засветив свою лампаду,
За шаткой стол, кряхтя, засяду,
Сижу, сижу три ночи сряду
И высижу — трестопный вздор...
Так пишет (молвить не в укор)
Конюший дряхлого Пегаса
Свистов, Хлыстов или Графов,
Служитель отставной Парнасса,
Родитель стареньких стихов,
И од не слишком громозвучных,
И сказочек довольно скучных.

Люблю я праздность и покой,
И мне досуг совсем не бремя;
И есть и пить найду я время.
Когда ж нечаянной порой
Стихи кропать найдет охота,
На славу Дружбы иль Эраста, —
Тотчас я труд окончу свой.
Сижу ли с добрыми друзьями
Лежу ль в постеле пуховой,
Брожу ль над тихими водами
В дубраве темной и глухой,
Задумаюсь — взмахну руками
На рифмах вдруг заговорю —
И никого уж не морю
Моими резвыми стихами...

Но ежели когда-нибудь,
Желая в неге отдохнуть,
Расположась перед камином,
Один, свободным господином,
Поймаю прежнюю мысль мою, —
То не для имени поэта
Мараю два иль три куплета,
И их вполголоса пою.

Но знаешь ли, о мой гонитель,
Как я беседую с тобой?
Беспечный Пинда посетитель,
Я с Музой нежусь молодой...
Уж утра яркое светило
Поля и рощи озарило;
Давно пропели петухи;
В полглаза дремля — и зевая,
Шапеля в песнях призывая,
Пишу короткие стихи,
Среди приятного забвенья
Склоняясь в подушку головой,
И в простоте, без украшенья,
Мои слагаю извиненья
Немного сонною рукой.
Под сенью лени неизвестной
Так нежился певец прелестный,
Когда Вер-Вера воспевал,
Или с улыбкой рисовал

В непринужденном упоеньи
Уединенный свой чердак.
В таком ленивом положеньи
Стихи текут и так и сяк.
Возможно ли в свое творенье,
Уняв веселых мыслей шум,
Тогда вперяť холодный ум,
Отделкой портить небылицы,
Плоды бродящих резвых дум,
И сокращать свои страницы? —

Анакреон, Шолье, Парни,
Враги труда, забот, печали,
Не так, бывало, в прежни дни
Своих любовниц воспевали.
О вы, любезные певцы,
Сыны беспечности ленивой,
Давно вам отданы венцы
От музы праздности счастливой,
Но не блестящие дары
Поэзии трудолюбивой.
На верьх Фессальския горы
Вели вас тайные извивы;
Веселых Граций перст игривый
Младые лиры оживлял,
И ваши челы обвивал
Детей Пафосских рой шуťливый.
И я — неопытный поэт —

Небрежный ваших рифм наследник,
За вами крадуся вослед...
А ты, мой скучный проповедник,
Умерь ученый вкуса гнев!
Поди, кричи, брани другого
И брось ленивца молодого,
Об нем тихонько пожалев.

Тень Фон-Визина

В раю, за грустным Ахероном,
Зевая в рощице густой,
Творец, любимый Алоллоном,
Увидеть вздумал мир земной.
То был писатель знаменитый,
Известный русской весельчак,
Насмешник, лаврами повитый,
Денис, невежде бич и страх.
«Позволь на время удалиться, —
Владыке ада молвил он, —
Постыл мне мрачный Флегетон,
И к людям хочется явиться».
«Ступай!» в ответ ему Плутон;
И видит он перед собою:
В ладье с мелькающей толпою
Гребет наморщенный Харон

Челнок ко берегу; с подорожной
Герой поплыл в ладье порожной
И вот — выходит к нам на свет.
Добро пожаловать, поэт!

Мертвец в России очутился,
Он ищет новости какой,
Но свет ни в чем не пременился.
Всё идет той же чередой;
Всё так же люди лицемерят,
Всё те же песенки поют,
Клеветникам как прежде верят,
Как прежде все дела текут;
В окошки миллионы скачут,
Казну все крадут у царя.
Иным житье, другие плачут,
И мучат смертных лекаря,
Спокойно спят архиереи,
Вельможи, знатные злодеи,
Смеясь в бокалы льют вино,
Невинных жалобе не внемлют,
Играют ночь, в сенате дремлют,
Склонясь на красное сукно;
Всё столько ж трусов и нахалов,
Рублевых столько же Киприд,
И столько ж глупых генералов,
И столько ж старых волокит.

Вздохнул Денис: «О боже, боже!
Опять я вижу то ж да то же.
Передних грозный Демосфен,
Ты прав, оратор мой Петрушка:
Весь свет бездельная игрушка,
И нет в игрушке перемен.
Но где же братии-поэты.
Мои парнасские клеветы,
Питомцы Граций молодых? —
Желал бы очень видеть их».
Небес оставя светлы сени,
С крылатой шапкой на бекрене,
Богов посланник молодой
Слетает вдруг к нему стрелой.
«Пойдем, — сказал Эрмий поэту, —
Я здесь твоим проводником,
Сам Феб меня просил о том;
С тобой успеем до рассвету
Певцов российских посетить,
Иных — лозами наградить.
Других — венком увить свирели».
Сказал, взвились и полетели.

Уже сокрылся ясный день,
Уже густела мрачна тень,
Уж вечер к ночи уклонялся,
Мелькал в окошки лунный свет,
И всяк, кто только не поэт,

Морфею сладко предавался.
Эрмий с веселым мертвецом
Влетели на чердак высокой;
Там Кропов в тишине глубокой
С бумагой, склянкой и пером
Сидел в раздумьи за столом
На стуле ветхом и треногом
И площадным, раздутым слогом
На наши смертные грехи
Ковал и прозу и стихи. —
«Кто он?» — «Издатель «Демокрита»!
Издатель право пресмешной,
Не жаждет лавров он пиита,
Лишь был бы только пьян порой.
Стихи читать его хоть тяжело,
А проза, ох! горька для всех;
Но что ж? смеяться над бедняжкой,
Ей богу. братец, страшный грех;
Не лучше ли чердак оставить,
И далее полет направить
К певцам российским записным?» —
«Быть так, Меркурий, полетим».
И оба путника пустились
И в две минуты опустились
Хвостову прямо в кабинет.
Он не спал; добрый наш поэт
Унизывал на случай оду,
Как божий мученик кряхтел,

Чертил, вычеркивал, потел,
Чтоб стать посмешищем народу.
Сидит; перо в его зубах,
На ленте Анненской табак,
Повсюду разлиты чернила,
Сопит себе Хвостов унылый.
«Ба! в полночь кто катит ко мне?
Не брежу, полно ль, я во сне!
Что случилось с бедной головою!
Фон-Визин! ты ль передо мною?
Помилуй! ты... конечно он!»
— «Я, точно я, меня Плутон
Из мрачного теней жилища
С почетным членом адских сил
Сюда на время отпустил.
Хвостов! старинный мой дружище!
Скажи, как время ты ведешь?
Здорово ль, весело ль живешь?»
— «Увы! несчастному поэту, —
Нахмурясь отвечал Хвостов, —
Давно ни в чем удачи нету.
Скажу тебе без дальних слов:
По мне с парнасского задору
Хоть удавись — так в ту же пору.
Что я хорош, в том клясться рад,
Пишу, пою на всякой лад,
Хвалили гений мой в газетах,
В «Аспазии» боготворят.

А всё последний я в поэтах,
Меня бранит и стар и млад,
Читать стихов моих не хотят,
Куда ни сунусь, всюду свист —
Мне враг последний журналист,
Мальчишки надо мной хохочут.
Анастасевич лишь один,
Мой верный крестник, чтец и сын,
Своею прозой уверяет,
Что истукан мой увенчает
Потомство лавровым венцом.
Никто не думает о том.
Но я — поставлю на своем.
Пускай мой перукамахер снова
Завьет у бедного Хвостова
Его поэмой заказной
Волос остаток уж седой,
Геройской вооружась отвагой,
И жизнь я кончу над бумагой
И буду в аде век писать
И притчи дьяволам читать».
Денис на то пожал плечами;
Курьер богов захохотал
И, над свечей взмахнув крылами,
Во тьме с Фон-Визиным пропал.
Хвостов не слишком изумился,
Спокойно свечку засветил —
Вздыхнул, зевнул, перекрестился,

Свой труд доканчивать пустился,
По утру оду смастерил,
И ею город усыпил.

Меж тем поклон отдав Хвостову,
Творец, списавший Простакову,
Три ночи в мрачных чердаках
В больших и малых городах
Пугал российских стиходеев.
В своем *боскете* князь Шальной,
Краса писателей-Морфеев,
Сидел за книжкой записной,
Рисуя в ней цветки, кусточки,
И, движа вздохами листочки,
Мочил их нежною слезой;
Когда же призрак столь чудесный
Очам влюбленного предстал,
За платье ухватясь любезной,
О страх! он в обморок упал.
И ты Славяно-Росс надутый,
О Безглагольник пресловутый,
И ты едва не побледнел,
Как будто от Шишкова взгляда;
Из рук упала *Петриада*,
И дикой взор оцепенел.
И ты, попами воскормленный,
Дьячком псалтире обученный,
Ужасный критикам старик!

Ты видел тени грозный лик,
Твоя невинная другиня,
Уже поблекший цвет певиц,
Вралих Петрополя богиня,
Пред ним со страхом пала ниц.
И ежемесячный вздыхатель,
Что в свет бесстыдно издает
Кокетки старой кабинет,
Безграмотный школяр-писатель,
Был строгой тенью посещен;
Не спас ребенка Купидон:
Блюститель чести муз усердный
Его журил немилосердно
И уши выдрал бедняка;
Страшна Фон-Визина рука!

«Довольно! нет во мне охоты, —
Сказал он, — у худых писцов
Лишь время тратить; от зевоты
Я снова умереть готов;
Но где певец Екатерины?»
— «На берегах поет Невы». —
«Итак стигийския долины
Еще не видел он?» — «Увы!» —
«Увы? скажи, что значит это?»
— «Денис! полнощный лавр отцвел,
Прошла весна, прошло и лето,
Огонь поэта охладел;

Ты всё увидишь сам собою;
Слетим к певцу под сединою
На час послушать старика».
Они летят, и в три мига
Среди разубранной светлицы
Увидели певца Фелицы.
Почтенный старец их узнал.
Фон-Визин тотчас рассказал
Свои в том мире похождения.
«Так ты здесь в виде привиденья?... —
Сказал Державин, — очень рад;
Прими мои благословенья...
Брысь, кошка!.. сядь, усопший брат;
Какая тихая погода!..
Но кстати вот на славу ода, —
Послушай, братец» — и старик,
Покашляв, почесав парик,
Пустился петь свое творенье,
Статей библейских преложенье;
То был из гимнов гимн прямой.
Чета бесплотных в удивленьи
Внимала молча песнопенье,
Поникнув долу головой:

«Открылась тайн священных «дверь!
Из бездн исходит Луцифер,
Смиранный, но челоперунный.
Наполеон! Наполеон!

Париж, и новый Вавилон,
И кроткий агнец белорунный,
Превосходясь, как дивий Гог,
Упал как дух Сатанаила,
Исчезла демонская сила!..
Благословен господь наш бог!»...

«Ого! — насмешник мой воскликнул, —
Что лучше эдаких стихов?
В них смысла сам бы не проникнул
Покойный господин Бобров;
Что сделалось с тобой, Державин?
И ты судьбой Невтону равен,
Ты бог — ты червь, ты свет — ты ночь...
Пойдем, Меркурий, сердцу больно;
Пойдем — бешуся я невольню».
И мигом отлетел он прочь.

«Какое чудное явление!»
Фон-Визин спутнику сказал.
— «Оставь пустое удивленье, —
Эрмий с усмешкой отвечал. —
На Пинде славный Ломоносов
С досадой некогда узрел,
Что звучной лирой в сонме россов
Татарин бритый возгремел,
И гневом Пиндар Холмогора,
И тайной завистью горел.

Но Феб услышал глас укора,
Его покоить захотел,
И спотыкнулся мой Державин
Апокалипсис преложить —
Денис! он вечно будет славен,
Но, ах, почто так долго жить?»

«Пора домой, — вещал Эрмию
Ужасный рифмачам мертвец, —
Оставим наскоро Россию:
Бродить устал я наконец».
Но вдруг близь мельницы стучащей,
Средь рощи сумрачной, густой,
На берегу реки шумящей
Шалаш является простой:
К калитке узкая дорога;
В окно склонился древний клен,
И Фальконетов Купидон
Грозит с усмешкой у порога.
«Конечно, здесь живет певец, —
Сказал обрадуясь мертвец, —
Взойдем!» Взошли и что ж узрели?
В приятной неге, на постеле
Певец Пенатов молодой
С венчанной розами главой,
Едва прикрытый одеялом
С прелестной Лилою дремал
И подрумяненный фиалом

В забвеньи сладостном шептал. —
Фон-Визин смотрит изумленный.
«Знакомый вид; но кто же он?
Уж не Парни ли несравненный,
Иль Клейст? иль сам Анакреон?»
«Он стоит их, — сказал Меркурий, —
Эрата, Грации, Амуры
Венчали миртами его,
И Феб цевницею златою
Почтил любимца своего;
Но лени связанный уздою,
Он только пьет, смеется, спит
И с Лилой нежится младою,
Забыв совсем, что он пиит». —
«Так я же разбужу повесу,»
Сказал Фон-Визин рассердясь
И в миг отдернул занавесу.
Певец, услыша вещий глас,
С досадой весь в пуху проснулся,
Лениво руки протянул,
На свет насилу проглянул,
Потом в сторонку обернулся
И снова крепким сном заснул.
Что делать нашему герою?
Повеся нос, итти к покою
И только про себя ворчать.
Я слышал, будто бы с досады
Бранил он русских без пощады

И вот изволил что сказать:
«Когда Хвостов трудиться станет,
А Батюшков спокойно спать,
Наш гений долго не восстанет,
И дело не пойдет на лад».

Гроб Анакреона

Всё в таинственном молчаньи,
Холм оделся темнотою,
Ходит в облачном сияньи
Полумесяц молодой.
Темных миртов занавеса
Наклонилася к водам;
В их сени, у входа леса,
Чью гробницу вижу там?
Розы юные алеют
Камня древнего кругом,
И Зефиры их не смеют
Свеять трепетным крылом.
Вижу: лира над могилой
Дремлет в сладкой тишине,
Лишь порою звон унылый,
Будто лени голос милый,
В мертвой слышится струне.
Вижу: горлица на лире,

В розах кубок и венец...
Други, други! в вечном мире
Здесь Геосской спит мудрец.
Посмотрите: на гробнице
Сын отрад изображен.
Здесь на ветреной цевнице
Резвый наш Анакреон,
Красотой очарованный,
Нежно гимны ей поет,
Виноградом увенчанный,
В чашу сок его лиет.
Здесь он в зеркало глядится,
Говоря: «Я сед и стар;
Жизнью дайте ж насладиться —
Жизнь, увы! не вечный дар!..»
Здесь, на лиру кинув длани
И нахмуря важно бровь,
Хочет петь он бога брани,
Но поет одну любовь. —
Здесь готовится природе
Тяжкой долг он заплатить;
Старый пляшет в хороводе,
Жажду просит утолить:
Вкруг философа седого
Девы пляшут и поют;
Он у времени скупого
Крадет несколько минут.
Вот и музы, и хариты